

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра востоковедения**

Тонких
Майя Владимировна

**ЭВОЛЮЦИЯ УСТАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
КИТАЯ В ПЕРИОД 1921-1945 гг.**

Дипломная работа

Научный руководитель:
канд. ист. наук, доцент
В.Р. Боровой

Допущена к защите
« ___ » _____ 2022 г.
канд. ист. наук, доцент В.Р. Боровой

Минск, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФЕРАТ	3
РЭФЕРАТ	4
АВСТРАКТ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ УСТАВА	9
1.1. Распространение и развитие марксизма в Китае в первой половине XX века. Деятельность Коминтерна.....	9
1.2. Основные особенности партийного устава.....	16
1.3. «Устав внутри программы» 1921 г.....	19
1.3.1. Члены партии и партийная дисциплина.....	21
1.3.2. Организационная структура партии.....	22
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ УСТАВА В ПЕРИОД 1922-1928 ГГ.	25
2.1. Первый устав КПК 1922 г. и поправки 1923, 1925 гг.	25
2.1.1. Члены партии и партийная дисциплина.....	27
2.1.2. Организационная структура партии.....	29
2.2. Устав 1927 г.	30
2.2.1. Члены партии и партийная дисциплина.....	30
2.2.2. Организационная структура партии.....	32
2.3. Устав 1928 г.	33
2.3.1. Члены партии и партийная дисциплина.....	35
2.3.2. Организационная структура партии.....	36
ГЛАВА 3. УСТАВ 1945 Г.	39
3.1. Курс КПК в новых исторических условиях.....	39
3.2. Основные изменения в партийном уставе.....	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	52

РЕФЕРАТ

Дипломная работа: 49 страниц, 1 таблица, 71 использованный источник.

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ, ИСТОРИЯ КПК,
МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ, КОМИНТЕРН, ИДЕИ МАО ЦЗЭДУНА

Объект исследования: устав Коммунистической партии Китая.

Предмет: процесс изменения устава в период 1920-1940-х гг.

Цель: определение исторической роли устава в становлении и развитии Коммунистической партии Китая.

Методы: ретроспективный, сравнительно-исторический, описательный.

В данной работе на примере эволюции партийного устава – «основного закона, установленного для реализации партийной программы, проведения официальных мероприятий и регулирования внутривнутрипартийных дел» – исследуется влияние внутренних и внешних факторов на деятельность Коммунистической партии Китая в период от её создания до начала гражданской войны с Гоминьданом во второй половине 40-х гг. XX в.

Автор подтверждает самостоятельность выполнения дипломной работы.

РЭФЕРАТ

Дыпломная работа: 49 старонак, 1 табліца, 71 выкарыстаная крыніца.

СТАТУТ КАМУНІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ КІТАЯ, ГІСТОРЫЯ КПК, МАРКСІЗМ-ЛЕНІНІЗМ, КАМІНТЭРН, ІДЭІ МАО ЦЗЭДУНА

Аб'ект даследвання: статут Камуністычнай партыі Кітая.

Прадмет: працэс змянення статута ў перыяд 1920-1940-х гг.

Мэта: вызначэнне гістарычнай ролі статута ў станаўленні і развіцці Камуністычнай партыі Кітая.

Метады: рэтраспектыўны, параўнальна-гістарычны, апісальны.

У дадзенай рабоце на прыкладзе эвалюцыі партыйнага статута – «асноўнага закона, устаноўленага для рэалізацыі партыйнай праграмы, правядзення афіцыйных мерапрыемстваў і рэгулявання ўнутрыпартыйных спраў» – даследуецца ўплыў унутраных і знешніх фактараў на дзейнасць Камуністычнай партыі Кітая ў перыяд ад яе стварэння да пачатку грамадзянскай вайны з Гаміньданам ў другой палове 40-х гг. XX ст.

Аўтар пацвярджае самастойнасць выканання дыпломнай работы.

ABSTRACT

Thesis: 49 pages, 1 table, 71 sources.

CONSTITUTION OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA, HISTORY OF THE CPC, MARXISM-LENINISM, COMINTERN, MAO ZEDONG THOUGHT

Object of the research: the constitution of the Communist Party of China.

Subject: the process of changing the constitution in 1920s-1940s.

Objective: to determine the historical role of the constitution in the formation and development of the Communist party of China.

Methods: retrospective, comparative historical analysis, descriptive.

In this paper, using the example of the evolution of the party constitution – "the basic law established for the implementation of the party program, holding of official events and regulation of internal party affairs" – the influence of internal and external factors on the activities of the Communist Party of China in the period from its creation to the outbreak of the civil war with the Kuomintang in the second half of the 40s of the 20th century is studied.

The author confirms the independence of thesis' implementation.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день Коммунистическая партия Китая, недавно отметившая свой столетний юбилей, является не только ведущей политической силой КНР, но и крупнейшей партийной организацией в мире. «Тот, кто хочет вырастить дерево, должен укрепить его корни»¹ – гласит расхожее китайское выражение, и именно к корням могучего партийного дерева мы обращаемся в данной работе.

Объектом настоящего исследования является один из главных документов Коммунистической партии – её устав. За свою историю устав КПК выдержал порядка двадцати редакций, и собственно процесс изменения устава, т.е. его эволюция, выступает в качестве **предмета** исследования. Непреходящей ценностью данного «свода законов» как для высших партийных инстанций, так и для рядовых членов китайской компартии объясняется **актуальность** нашей работы. Поправки, которые вносятся в устав, с одной стороны, свидетельствуют об уже совершившихся сдвигах в партийной жизни, с другой – задают вектор дальнейшего развития партии, способствуют формированию единства взглядов и действий внутри КПК: так, в 2017 году в документ были включены «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», что явилось номинальным признанием успехов, достигнутых в ходе реализации избранного курса, а также важным шагом в укреплении личного авторитета председателя КНР в глазах китайской общественности. К слову, это событие стало вторым случаем за всю историю КПК, когда политическая линия её руководителя нашла отражение в уставных положениях до окончания срока полномочий последнего (воздерживаясь от проведения исторических параллелей, в своей работе мы с необходимостью обратимся и к более раннему прецеденту такого рода).

Цель исследования – определение исторической роли устава в становлении и развитии КПК в период 20-40-х гг. XX в., т.е. от зарождения компартии до начала гражданской войны между КПК и Гоминьданом. Для последовательного продвижения к поставленной цели нами были намечены следующие **задачи**:

- 1) установить источники формирования партийного устава;
- 2) выделить факторы, повлиявшие на его последующую эволюцию;
- 3) сравнить между собой уставные документы в редакциях разных лет;
- 4) раскрыть основное содержание внесённых изменений и дополнений;
- 5) выявить взаимосвязь объекта исследования с совокупностью исторических условий на отдельно взятых этапах его существования.

¹ 求木之长者，必固其根本

Обозначенные выше **хронологические рамки** работы охватывают шесть редакций интересующего нас документа: в 1922, 1923, 1925, 1927, 1928 и 1945 гг. Необходимо отметить, что КПК изначально задумывалась как *массовая партия*, что *в корне* отличало её от всех других политических сил, когда-либо действовавших на территории Китая. Тогда как первая глава нашей работы посвящена выявлению и характеристике разнородных факторов, в той или иной мере сказавшихся на эволюции устава, основным критерием выделения остальных **структурных частей** работы послужило именно *количество членов* в партии на момент принятия пересмотренного устава: в 1922-1925 гг. (п. 2.1) число членов КПК не превышало тысячу, в 1927-1928 гг. (п. 2.2, 2.3) партийцы исчислялись десятками тысяч, тогда как в 1945 г. (гл. 3) в рядах китайской компартии состояло более миллиона человек. Спецификой предмета исследования обусловлено доминирование сравнительного анализа среди использованных в работе **методов**.

В рамках изучения новейшей истории Китая исследование процессов становления и развития КПК по праву занимает одно из центральных мест. Активная разработка данного направления в отечественной историографии, происходившая параллельно с развитием революционной ситуации в Китае в 1920-1940-х гг., с успехом продолжалась и после образования КНР. В отличие от западных исследователей, советские историки имели доступ как к внутренним документам КПК, так и к архивным материалам Коминтерна; советские представители – сначала участники революционного движения, а позднее и социалистического строительства КНР – располагали более подробной информацией о ситуации внутри страны, об особенностях принятия решений в руководстве китайской компартии. Несмотря на реорганизацию научно-исследовательских учреждений в конце 50-х – начале 60-х гг. под влиянием ухудшения взаимоотношений СССР и КНР, деятельность по изучению основных событий истории КПК и китайской революции не сворачивалась. Однако многие исследования этого периода были значительно политизированы: неизбежным следствием обострения полемики между КПСС и КПК становилось преобладание идеологических штампов, односторонних подходов в оценке тех или иных процессов новейшей истории Китая; проблема отношений Коминтерна и китайской революции, ставшая одной из центральных и в нашей работе, рассматривалась в апологетическом ключе.

Преодоление этих негативных тенденций зафиксировано уже в постсоветской исторической науке: особый интерес представляют монографии Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой, а также работы А.И. Картуновой, посвящённые различным аспектам взаимодействия Коминтерна с его «китайским сектором». Тем не менее, хотя в настоящее время усилиями отечественных исследователей разрабатывается широкий круг специфических тем (начиная от исторической роли малоизвестных персоналий и заканчивая гендерным вопросом в политике КПК), особенности появления и функционирования партийного устава по непонятным

причинам остаются без внимания – данное направление всё ещё представляет собой «белое пятно», и точечные, сделанные вскользь замечания о его природе, которыми ограничиваются обзорные работы по истории КПК, отнюдь не соответствуют статусу устава в иерархии документов китайской компартии.

Помимо оригинальных текстов устава и прочих документов, опубликованных в собрании 《中共党史参考资料》 – «Справочных материалов по истории КПК» [68], мы активно пользовались сборниками документов из архивов Коммунистического Интернационала и ВКП(б) [6, 20, 21, 59], монументальными трудами по истории Китая, которые выполнялись отечественными исследователями в разные годы [17, 18, 34, 36], теоретическими и публицистическими работами виднейших – как в международном, так и в китайском масштабе – деятелей революционного движения [22, 23, 24, 29, 30, 45, 48]. Особо отметим «Истории внутри и вне партийного устава» Ли Чжунцзе² [62], которые проливают свет на многие аспекты утвердившегося (или утверждённого?) среди современных партийцев взгляда на дела давно минувших дней – не считаться с точкой зрения нынешней верхушки партийного дерева едва ли лучше, чем предавать забвению его корни.

² Ли Чжунцзе – бывший замглавы Центра по изучению истории партии.

ГЛАВА 1

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ УСТАВА

1.1. Распространение и развитие марксизма в Китае в первой половине XX века. Деятельность Коминтерна

В своей программной работе «Три источника и три составных части марксизма» В.И. Ленин проанализировал исторические корни одного из крупнейших учений XIX века, подчеркнул идейную преемственность этапов развития человеческой мысли и их неразрывную связь. Насколько немислимо изучение марксизма в отрыве от немецкой классической философии, английской политэкономии и французского утопического социализма, настолько же, на наш взгляд, проблематично обозрение одного из главных документов КПК без предварительного определения его главных источников, а последнее, в свою очередь, невозможно без обращения к вполне конкретным пластам исторического контекста.

Марксизм как одно из течений западноевропейской мысли проникает в Китай на рубеже XIX-XX вв. по нескольким каналам: через китайских дипломатов, занимающих посты в европейских странах, через миссионеров, ведущих всякого рода «просветительскую деятельность» на территории Китая и, конечно, через эмигрантов, среди которых наиболее многочисленной и социально активной группой было студенчество [25]. Однако в этот период между широко известным в относительно узких (прежде всего анархистских) кругах марксизмом [18, с. 411] и китайской традицией точек соприкосновения было явно недостаточно: китайская цивилизация и учение Маркса являлись друг для друга «вещами в себе» – и, вероятно, остались бы таковыми, не появившись на их стыке более мощной объединительной основы, историческую роль которой суждено было сыграть суньятсенизму с одной стороны и ленинизму – с другой.

Появление в китайском политическом дискурсе «трёх народных принципов» Сунь Ятсена, впервые сформулированных в ноябре 1905 г. в печатном органе «Объединённого союза» – «Миньбао», знаменовало собой выделение революционного демократизма в самостоятельное идейное течение. Стоит отметить, что его основатель во многом отождествлял свои «народные принципы» с лозунгами Великой французской революции [47, с. 100]. «Без высокого, искреннего демократического подъёма, <...> который виден в каждой фразе платформы Сунь Ятсена, было бы невозможно действительное освобождение китайского народа от векового рабства» – так пишет Ленин в июле 1912 года, в целом положительно оценивая вклад первого президента Китайской Республики в развитие революционной ситуации в «диком, мёртвом, азиатском Китае». В то же время,

наличие «социалистической» составляющей в доктрине Сунь Ятсена лидер большевиков яростно отрицает, называя её «теорией мелкобуржуазного «социалиста»-реакционера» [23, т. 21, с. 403-404].

Несмотря на то, что период после Синьхайской революции сопровождался существенными сдвигами в духовной жизни высших слоёв китайского общества, на уровне обыденного сознания широких народных масс бал правила инерция: в качестве необходимого рационалистического компонента синкретичного мировоззрения всё ещё выступало конфуцианство, противопоставленное религиозной мистике буддизма, даосизма и набирающего силу христианства [18, с. 389]. Так или иначе, именно в это время идеологическая жизнь Китая попадает во всё большую зависимость от «мировых идеологических структур» и «развивается как своеобразный синтез современных идеологических концепций, привнесённых извне, и традиционной национальной мысли, переживающей мучительную ломку в условиях ускорившегося политического и социального развития страны» [там же, с. 391]. «Движение за новую культуру», видевшее своего главного врага в конформистской, закостенелой конфуцианской традиции, на которую во все времена опирались «сливки» китайского общества, стало предтечей нового этапа борьбы за национальное, а впоследствии и *социальное* освобождение. «Идейный центр» движения – журнал «Синь циннянь» («Новая молодёжь»), основанный в 1915 г. профессором Пекинского университета Чэнь Дусю, на протяжении нескольких последующих лет фактически являлся «рупором» передовой интеллигенции [17, с. 80-81].

«Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм» [29, т. 4, с. 504] – несмотря на всю претенциозность, эта растиражированная фраза Мао Цзэдуна имеет под собой фактическую основу. События 1917 г. в России были настоящим катализатором революционных процессов по всему миру, не стал исключением и Китай. «Нынешняя русская революция – величайший поворот в истории, и, подобно французской, она будет определять развитие цивилизации грядущих веков» [24, с. 145], – так писал в июле 1918 года Ли Дачжао, один из пионеров марксистской мысли в Китае, стоящий у истоков образования КПК. Действительно, под влиянием Октября ускорилась политизация не только китайской интеллигенции, но и более широких социальных слоёв, что во многом подготовило почву для «движения 4 мая», непосредственным импульсом к вспышке которого стали решения Парижской мирной конференции [17, с. 87].

Недоступность переводов на китайский язык классических трудов теоретиков марксизма на первых порах значительно осложняла распространение идей немецкого мыслителя и его последователей. Лю Жэньцзин вспоминает, что, будучи студентом Пекинского университета, «большую часть времени проводил в библиотеке, изучая изданные на английском языке марксистские книги, а также

работы Кропоткина <...> Тогда же я прочитал «Манифест Коммунистической партии» и «Развитие социализма от утопии к науке». Книги, которые я читал, были в английском переводе <...>» [37, с.185]. В связи с этим особую ценность имела статья Ли Дачжао «Мои марксистские взгляды», опубликованная в ноябре 1919 года в уже упомянутом журнале «Синь циннянь» и явившаяся первым систематизированным изложением основ марксизма в Китае. Однако это не единственная причина, по которой работа Ли представляет для нас интерес: в процессе рассмотрения постулатов исторического материализма автор, как ни странно, приходит к выводу о необходимости «дополнения» марксизма. «В переходный [от капитализма к коммунизму] период необходимо усилить нравственную и гуманистическую работу <...> Здесь недостаточно только опираться на материальные изменения» [24, с. 221-222] – несмотря на весьма расплывчатые рамки «области» модификации, само появление таких рассуждений намекает на то, что неизбежная «мучительная ломка» рано или поздно затронет не только национальную традицию, но и «концепцию извне», которой, по существу, и являлся марксизм.

Говоря же о деятельности «мировых идеологических структур», мы, не пытаясь отрешиваться от т.н. ошибки выжившего, будем иметь в виду Коммунистический Интернационал (также известный под названием III Интернационал), учредительный конгресс которого состоялся в марте 1919 года. Уже в знаменитых «Апрельских тезисах» В.И. Ленина декларировалась инициатива создания Интернационала «против социал-шовинистов и против “центра”» [23, т. 31, с. 116], т.е. с учётом печального (с точки зрения большевиков) опыта его предшественника – II Интернационала, и потому даже в названии – *Коммунистический* Интернационал – не нашлось места разночтениям. Отсутствие «негативного влияния II Интернационала» на первых китайских коммунистов отмечено и в работах китайских исследователей [15, с. 47].

С момента своего основания «единственная международная сила, открыто выступающая организатором международной революции пролетариата» [20, с. 4], старалась не только осуществлять всесторонний контроль за рабочим движением в отдельно взятых странах, но и, по возможности, направлять развитие этого движения. Однако, при создании КИ предполагалось, что его деятельность по большей части будет сконцентрирована в Европе, то уже к началу 20-х гг. «центр тяжести» переместился на Восток, в том числе и в Китай. Как пишет И.Н. Сотникова, подобное возрастание интереса к восточным соседям было вызвано рядом причин, среди которых, в первую очередь, «замедление темпов развития ожидаемой революции в странах Запада, стихийный подъём национально-освободительного движения в странах Востока и отсутствие организующей его силы», а также «желание творчески перевести наработанные понятия и модели марксистского учения на «туземный язык» [43, с. 41].

Основные теоретические положения главного инициатора создания Коминтерна по злободневным для «колониальной периферии империализма» вопросам окончательно оформились во время Первой мировой войны, в очередной раз обнажившей неразрешимые в рамках капиталистической системы противоречия. Ленинские идеи о *многоэтапности* революций в колониальных странах закрепились в основе «восточной политики» Коминтерна уже на II конгрессе, прошедшем в июле-августе 1920 года. В результате обсуждения на пленарных заседаниях «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», наиболее точно отражавшие концепцию Ленина, были объединены в одну резолюцию с «Дополнительными тезисами» индийского коммуниста М.Н. Роя. При этом последние, по замечанию А.В. Панцова, содержали «ошибочные установки», составлявшие часть роевской «системы левацко-авантюристических построений». Занимая «ярко выраженные националистические позиции», Рой преувеличивал значение революции в странах Востока «для судеб мировой революции», отстаивал необходимость «форсированного создания в колониях и полуколониях пролетарских, коммунистических партий» с незамедлительным переходом к «бескомпромиссной борьбе с буржуазией за гегемонию в национально-колониальных революциях» [32, с. 25-26]. Иными словами, «Дополнительные тезисы» были ориентированы на перерастание восточных буржуазно-демократических революций в социалистические уже на *текущем этапе*. Чем же объяснить то обстоятельство, что в итоговые документы конгресса были включены, по сути, полярные взгляды на одну из ключевых проблем концепции национально-освободительной борьбы, предложенной Коминтерном? М.А. Персиц считает, что это была сознательная уступка с целью «укрепления идейного единства с молодыми коммунистами Востока, не освободившимися ещё окончательно от разного рода заблуждений». Однако едва ли руководство III Интернационала могло предвидеть, что одним из результатов такого компромисса станет сравнительно большее распространение именно «Дополнительных тезисов» среди китайских коммунистов и, как следствие, неверная интерпретация собственно «Тезисов...» [там же, с. 48]. Не вполне адекватные текстам оригинальных документов переводы на китайский язык в дальнейшем также способствовали усилению симптомов «детской болезни “левизны”».

Разумеется, взаимодействие между III Интернационалом и его секциями не ограничивалось предоставлением теоретических наработок последним. Выпуск периодических изданий, организация информационно-пропагандистской работы, перевод литературы, подготовка кадров – бесперебойность этих процессов поддерживалась не только энтузиазмом коммунистов в разных концах планеты, но и денежными отчислениями из Коминтерна, который, в свою очередь, финансировался советским правительством. Как отмечает В.Н. Усов, ещё в

начале 1919 года заместитель Наркома иностранных дел Л.М. Карахан под грифом секретности обратился к Ленину по вопросу материального обеспечения зарубежных организаций [49, с. 82]. Впоследствии закрепился следующий порядок получения средств: каждая компартия предоставляла отчёт, в котором аргументировала размеры необходимых дотаций; отчёты перепроверялись ответственными лицами и передавались в Коминтерн, где составлялась общая смета для ЦК РКП(б). Стоит отметить, что финансовая помощь со стороны Коминтерна предоставлялась Китаю ещё до основания КПК.

Хотя содержание деятельности III Интернационала в значительной степени определялось интересами РКП(б) (после 1925 г. – ВКП(б)), доминирование которой в руководящих органах международной организации обеспечивалось за счёт большего количества представителей с правом решающего голоса [43, с. 48], соотношение влияния Коминтерна и РКП/ВКП(б) на разработку «китайской политики» постоянно менялось. Восточноазиатский секретариат (Шанхай), Секция восточных народов ЦК РКП(б) (Иркутск), Дальневосточный секретариат КИ (Иркутск), Восточный отдел КИ (Москва), Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) (Москва), Дальневосточное бюро ИККИ (Шанхай) – уже одно только количество структурных подразделений, в разное время работавших над «китайским направлением», говорит о непрерывном поиске наиболее подходящих организационных форм. В период 1922-1925 гг. участниками открытых дискуссий, в результате которых принимались конкретные решения, были как теоретики Коминтерна, так и функционеры внешнеполитических ведомств страны Советов [там же, с. 173]. В 1925-1927 гг. Китайская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) фактически подменила собой структуры Коминтерна. Сам факт создания такой комиссии подтверждает, что для большевистского руководства китайское направление было одним из приоритетных (так, например, собственно ВКП(б) никогда не посягала на внутривнутриполитическую борьбу в Японии, оставляя эту сферу целиком в ведении КИ, – в партийном архиве не обнаружено ни одного документа по японским делам [8, с. 3]). Конфронтации по основным вопросам китайской революции сыграли не последнюю роль в углублении внутривнутрипартийного раскола ВКП(б): как впоследствии писал Троцкий, «на проблемах китайской революции столкнулись основные течения коммунизма» [48]. Однако после провала избранного курса в 1927 г. деятельность советских представителей, на плечи которых ложилась вся ответственность за тяжёлое поражение, начала сходиться на нет, и инициатива в «китайском вопросе» вновь вернулась в Коминтерн [43, с. 70].

Не поддаётся сомнению тот факт, что Советская Россия оказывала на судьбу Китая не только опосредованное Коминтерном влияние. Так как после победы Великой Октябрьской революции авторитет большевиков во многих

насуточных вопросах являлся безусловным, а беспрецедентные внешнеполитические акты Советского правительства – аннулирование неравноправных договоров, отказ от получения контрибуций и т.д. [42, с. 43] – лишь укрепляли уверенность передовой китайской интеллигенции и более широких народных масс в чистоте намерений русских коммунистов, представляется вполне естественным, что организационные мероприятия РКП(б)/ВКП(б) могли выступать в качестве ориентира для политических активистов Китая и в случае отсутствия формальной «указки» (в первую очередь со стороны специализированных структур Коминтерна). Подтверждением тому – переписка Наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина с Сунь Ятсеном, ставшая своеобразным прологом к корректировке политической программы последнего. Контакты с дипломатической миссией РСФСР во главе с А.А. Иоффе, прибывшей в Китай в августе 1922 г., также способствовали дальнейшему сближению КПК и воссозданной в 1919 году партии Гоминьдан [39, с. 92].

По справедливому замечанию Н.Л. Мамаевой, «изучение политики Коминтерна в Китае с необходимостью предполагает активное использование дифференцированного подхода, не ограниченного лишь взаимодействием КИ с китайскими коммунистами» [28]. После второго конгресса КИ партия Сунь Ятсена рассматривалась в качестве потенциального партнёра будущей КПК, а уже через несколько лет представители Коминтерна принимали непосредственное участие в реорганизации Гоминьдана. В учебных заведениях на территории СССР, помимо будущих руководителей китайской компартии (Ван Мина, Бо Гу, Ло Фу, Дэн Сяопина), маршалов (Чжу Дэ, Линь Бяо, Лю Бочэна, Е Цзяньина) и других впоследствии видных деятелей КПК (Лю Шаоци, Ян Шанкуня), проходили подготовку представители Гоминьдана (Цзян Цзинго, Дэн Вэньи и др.) [Е Фань], а университет им. Сунь Ятсена, основанный в 1925 г. в Москве, был, по выражению Шэн Юэ, настоящим «продуктом единого фронта» [55, с. 112]. Конечно, по мере конкретизации и, как следствие, расхождения программных установок обеих сторон область взаимодействия между Коминтерном и Гоминьданом становилась всё более узкой, но «наиболее стабильным фактором взаимоотношений» на протяжении долгого времени оставалась материально-финансовая поддержка Национального правительства [27, с. 343].

Официальное прекращение деятельности международной коммунистической организации в мае 1943 года отнюдь не свидетельствовало о прекращении контактов между бывшим руководством КИ и их «подчинёнными», однако формы взаимодействия, конечно, изменились. В доказательство приведём фрагмент из письма Г. Димитрова Мао Цзэду, датированного декабрём 1943 года: «Само собой понятно, что после роспуска Коминтерна никто из его бывших руководителей не может вмешиваться во внутренние дела компартий. Но в частном,

дружеском порядке не могу не сказать Вам о той тревоге, которую вызывает у меня положение в Китайской компартии <...>» [6, т. 5, с. 686].

Несмотря на то, что в рамках деятельности Коммунистического Интернационал была предпринята попытка уточнения специфики исторического развития стран Востока, предложенные подходы не могли, да и не стремились учесть *все* значимые элементы социально-экономической и политической жизни восточных обществ, и потому в работе Коминтерна над «китайским направлением» преобладал метод проб и ошибок, что в определённых случаях имело крайне негативные последствия. Вопреки (или, быть может, благодаря?) наличию в ВКП(б) и Коминтерне разветвлённой сети информационных каналов (подробно описаны в работе В.Н. Усова [49]), большинство стратегических ошибок со стороны руководства возникало вследствие недооценки и/или не вполне верного понимания непрерывно меняющейся расстановки военно-политических сил в Китае и, шире, китайских реалий как таковых. По выражению И.В. Сталина, многие аппаратчики «искренне верили, что можно руководить революцией в Китае, так сказать, по телеграфу <...> [45, с. 332], и именно это не раз сыграло с ними злую шутку.

В связи с разнообразными подходами к оценке деятельности III Интернационала определённый интерес представляет также идея периодизации сотрудничества Коминтерна с китайскими коммунистами, изложенная Чжоу Эньлаем в 1960 году в докладе «Коммунистический интернационал и КПК» [71]. По его мнению, двадцатичетырёхлетняя история взаимодействия КИ и КПК может быть разделена на «три периода по восемь лет»: ранний (март 1919 – июль 1927), средний (июль 1927 – июль 1935) и поздний (июль 1935 – май 1943). Хотя ранний и поздний периоды объявляются скорее «хорошими», средний – скорее «плохим», ни один из них, как считает Чжоу Эньлай (впрочем, едва ли в докладе выражалась сугубо личная позиция), не представляется возможным оценить как безоговорочно успешный, или, напротив, абсолютно неудачный. Такую «половинчатую» точку зрения разделяют и современные китайские исследователи, интерес которых к теме взаимодействия КИ и КПК с течением времени неуклонно возрастает: «нельзя из-за неудач отрицать успехи Коминтерна, также нельзя из-за его успехов не поднимать вопрос о неудачах» [15, с. 18].

Подводя черту под вышесказанным, обратимся к одному из центральных понятий гегелевской диалектики – противоречию, которое рассматривается как основной источник всякого развития. В условиях Китая «переплетение интересов и стратегий двух стран и трёх партий» породило «два слоя» идеологической конфронтации, характерной для периода 20-х гг. XX в.: «микрослой» составляли внутривнутрипартийные разногласия ВКП(б) (в первую очередь между сторонниками Сталина и Троцкого), тогда как «макрослой» включал в себя расхождения между

марксизмом-ленинизмом и концепцией «трёх народных принципов» Сунь Ятсена [14, с. 3]. На наш взгляд, именно противоречия «микрослоя» на протяжении всего рассматриваемого периода являлись движущей силой революционного процесса; объективированным итогом снятия противоречия «макрослоя» можно считать возникновение теории «новой демократии» Мао Цзэдуна на перекрёстке двух учений – интернационального и собственно китайского.

1.2. Основные особенности партийного устава

«Коммунистическая партия Китая – продукт соединения марксизма-ленинизма с китайским рабочим движением, она родилась под влиянием Октябрьской революции в России и движения «4 мая» в Китае, с помощью руководимого Лениным Коммунистического Интернационала» – так звучит наиболее общая «формула», зафиксированная в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории нашей партии со времени образования КНР», принятом на пленуме ЦК КПК в 1981 году [40, с. 3]. При попытке развить приведённую аналогию возникает закономерный вопрос: чем, в сущности, является эта формула? Постоянной функцией, линейным уравнением с одним неизвестным, сложной химической реакцией, продукт которой меняется в зависимости от расстановки коэффициентов и условий протекания?

Изменение соотношения основных – внутренних и внешних – факторов, которые в разные исторические периоды оказывали неодинаковое влияние на процесс становления КПК и её превращения в одну из доминирующих сил китайской политической жизни, как нельзя лучше прослеживается на примере эволюции партийного устава – «основного закона, установленного для реализации партийной программы, проведения официальных мероприятий и регулирования внутрипартийных дел» [70].

Старейшим и, в то же время, самым неочевидным (если судить по количеству упоминаний в специальной литературе) источником основного партийного документа можно считать «Устав Союза коммунистов», в составлении которого деятельное участие принимали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Принятый в декабре 1847 года устав не снискал популярности «Манифеста Коммунистической партии» 1848 года, однако, в той или иной степени, стал прообразом уставных документов коммунистических организаций по всему миру [62, с. 17]. Устав включал в себя 50 статей, объединённых в разделы «Союз», «Община», «Округ», «Руководящий округ», «Центральный комитет», «Общие правила», «Конгресс», «Проступки против союза», «Союзные средства», «Приём в члены союза» [30, с.

524], форма и содержание которых имеют много общего и со «сводом законов» китайской компартии.

В своих «Воспоминаниях о I съезде Коммунистической партии Китая», опубликованных в сборнике материалов по партийной истории, один из участников съезда – Чэнь Тяньцю – без обиняков заявляет: «Что касается принципов организации партии и условий приёма в неё, было решено прибегнуть к опыту большевиков» [68, т. 2, с. 204]. По причинам, обозначенным в п. 1.1 настоящей работы, вторым источником, или – в силу периодических изменений и дополнений – активным началом устава КПК являлся устав РКП(б)/ВКП(б). Согласно замечанию С.С. Войтикова, в иерархии основополагающих документов ленинской партии устав находился едва ли не выше программы, являлся «альфой и омегой» [10]. Тем не менее, первый устав был принят лишь на II съезде РСДРП – до него основные организационные положения были зафиксированы в Манифесте, утверждённом после I съезда РСДРП в 1898 г. Эти факты отнюдь не должны казаться противоречивыми: Ленин подчёркивал, что на данном этапе развития революционного движения вопрос об уставе имеет «маловажное значение» и «можно бы, пожалуй, обойтись без устава». Предпочтительнее было отладить систему «регулярной отчётности»: «Мы должны стараться оформить всю работу *по мере возможности* (курсив наш) <...> Но достижима она [оформленность] не уставами, а только <...> точным оповещением центра партии» [22, с. 14-15]. Таким образом, на начальном этапе существования партии (как, впрочем, и в последующие годы) констатировался примат практической деятельности над чёткими уставными формулировками. Однако после создания основы для *идейного* объединения партии, выраженного в принятии партийной программы, II съезд «должен был принять также устав партии, чтобы положить конец кустарничеству и кружковщине, организационной раздробленности и отсутствию твёрдой дисциплины в партии» [16, с. 40]. Как видим, программа и устав служили выполнению различных задач, с самого начала были призваны дополнять друг друга, в общем смысле соотносясь как «цели» и «средства». Попутно отметим, что подобное разграничение «сфер ответственности» отнюдь не являлось специфической чертой партии большевиков и имело широкое распространение в международном коммунистическом движении. В дальнейшем программа, несмотря на своё хронологическое первенство, скорее играла роль «надстройки» на «базисе» из организационных принципов.

Разумеется, устав как организационный стержень партии не мог не испытывать влияния и со стороны структур Коминтерна. Цитируем п. 51 тезисов III конгресса Коминтерна об организационном строительстве коммунистических партий, посвящённый объекту нашего исследования: «Устав партии должен быть так составлен, чтобы при развитии и росте партии он не мог служить поме-

хой. Постановления Коммунистического Интернационала должны незамедлительно выполняться всеми входящими в него партиями, даже в случае необходимости последующего изменения устава и предыдущих партийных постановлений» [20, с. 222]. В приведённом фрагменте, опять же, подчёркивается руководящая роль практического опыта по отношению к документально оформленным теоретическим разработкам. Установка на творческое (если не сказать «выборочное») применение устава в противовес «механическому» соблюдению норм красной нитью проходила через резолюции КИ, имеющие отношение к регламентации партийной жизни. Очевидно, что слабая сторона такой политики могла выражаться (и выражалась) в различного рода злоупотреблениях, к конкретным примерам которых мы ещё вернёмся.

За период, рассматриваемый в нашей работе, было принято шесть редакций партийного устава: в 1922, 1923, 1925, 1927, 1928, 1945 гг. Три из них именуются «Уставом Коммунистической партии Китая» (1922, 1928, 1945 гг.), остальные же носят название «Пересмотренного устава Коммунистической партии Китая» (1923, 1925, 1927 гг.). Как правило, новая редакция устава утверждалась на съезде КПК (исключение составляет устав 1927 г.). Отдельного рассмотрения требует вопрос о принадлежности к ряду уставных документов «Программы Коммунистической партии Китая» 1921 г., принятой на первом партийном съезде.

«Резолюция об Уставе Коммунистической партии», принятая на II съезде КПК, чётко определила два базовых принципа:

- 1) вся деятельность партии должна проникать в широкие народные массы;
- 2) структура партии и внутривнутрипартийная подготовка должны отвечать требованиям революции [68, т. 2, с. 507].

Связь с массами, выверенная организационная структура, должная подготовка [кадров] – три столпа, на которые был водружён главный партийный документ – находят наиболее полное выражение в разделах устава, посвящённых членству в партии, органам партии на всех уровнях и партийной дисциплине, и именно их рассмотрению в нашей работе отведено центральное место. Примечательно, что положения о членах партии являются одними из первых во всех редакциях устава, тогда как статьи, относящиеся к дисциплине, обычно располагаются ближе к концу. Разделы, в которых фиксируется партийная структура, составляют «ядро» документа, занимая, как правило, более 2/3 от общего объёма устава.

Касаемо эволюции «основного закона» партии: как отмечает Л. Салливан, «хотя изменения в партийном уставе часто носят поверхностный характер, некоторые из них являются индикаторами крупных конфликтов внутри КПК» [58, с. 64]. Стоит сказать, что провести чёткую демаркационную линию между «чисто формальными» и «значительными» поправками возможно далеко не всегда, и

потому в своей работе мы в равной степени обращаемся как к первой, так и ко второй категории изменений.

В этом же контексте предлагаем условно выделить две модели развития партийной «конституции». Так, например, первый «Устав Коммунистической партии Японии», составленный Хитоси Ямакавой на основе документов Компартии Великобритании, включал в себя 47 статей [8, с. 224, с. 254-258]; ещё более объёмным оказался устав корейской компартии, принятый учредительным съездом последней: в нём содержалось 59 статей [52]. Иная тенденция была актуальна для уставных документов одной из компартий Юго-Восточной Азии: первый устав Коммунистической партии Вьетнама, составленный Нгуен Ай Куоком (Хо Ши Мином) и принятый на объединительной конференции вьетнамских коммунистов в феврале 1930 г., был предельно лаконичен: всего девять пунктов, которые получили развитие только в последующей редакции [33; 51]. Достаточно кратким оказался и первый устав РСДРП 1903 г. [12], содержащий 13 статей. Как известно, практика – критерий истины, и, на наш взгляд, более продуктивной является вторая модель *постепенного* распространения и уточнения содержания устава, которая была взята на вооружение вновь образованной КПК.

1.3. «Устав внутри программы» 1921 г.

В литературе можно встретить определённые разногласия относительно того, какую дату необходимо принимать за точку отсчёта в проведении партийных съездов. Тем не менее, конференция «наиболее активных китайских товарищей» – представителей марксистских кружков, прошедшая 19 июля 1920 года в Шанхае и организованная при активном участии русских коммунистов, лишь заложила основы будущей компартии [43, с. 45]. Состав участников конференции был достаточно неоднородным, ведь «в первых кружках были сторонники не только марксизма, но и анархизма и некоторых других политических течений, а больше всего было революционно настроенных националистов» [18, с. 436]. Прежде чем компартия могла стать авангардом рабочего движения, необходима была кристаллизация авангарда из наиболее последовательных марксистов в самой партии, и, разумеется, этот процесс не был одномоментным. Более того, изначально партия называлась социалистической [65, с. 30]. Причиной тому – всё та же идейно-политическая неоднородность, подтверждённая и в докладе китайской делегации на III Конгрессе Коминтерна в 1921 году: «Во многих местах приходилось работать совместно с анархистами, но в этих совместных организациях мы имели своих товарищей для контроля и руководства ими <...> Но потом

мы убедились, что продолжать работу совместно с этими анархическими элементами невозможно» [13, с. 44].

Из трёх документов, принятых на I партийном съезде в Шанхае, нас главным образом интересует «中国共产党纲领» – «Программа Коммунистической партии Китая». Необходимо сразу оговориться, что не сохранились не только её проекты, разработанные в преддверии съезда, но и окончательный вариант (на китайском языке), принятый съездом. Поэтому в сборник материалов по истории КПК включены переводы с русского и английского, между которыми имеются несущественные расхождения. Однако как в русском, так и в английском вариантах отсутствует Статья 11 [68, т. 2, с. 197-199]. Хотя общепринятая точка зрения заключается в том, что I съезд не выработал партийного устава, отдельные исследователи склоняются к обратному [58, с. 102]. Ли Чжунцзе предлагает говорить о своеобразном «уставе внутри программы» [62, с. 11], и такой взгляд на проблему представляется нам наиболее предпочтительным.

Первая статья «Программы» определила название партии – Коммунистическая партия Китая. «Вопрос о названии является не только формальным <...> Необходимо, чтобы каждому рядовому труженику была совершенно ясна разница между коммунистическими партиями и старыми официальными «социал-демократическими» или «социалистическими» партиями» – гласит семнадцатое из «21 условия» приёма в Коминтерн [20, с. 103-104]. Корни столь категоричного заявления можно найти ещё в «Апрельских тезисах»: «Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всём мире предали социализм, перейдя к буржуазии <...>, надо назваться *Коммунистической партией*» [23, т. 31, с. 116]. Однако, на наш взгляд, вне зависимости от изначальных планов составителей программы, в условиях Китая новое название прежде всего отвечало задаче размежевания с леворадикалами. Вторая статья де-факто является единственной сугубо «программной»: в ней были изложены как долгосрочные цели – установление диктатуры пролетариата, уничтожение классов, передача средств производства в общественную собственность, так и более близкая – объединение с III Интернационалом. Как отмечает Ли Чжунцзе, делегаты опасались, что вступление в Коминтерн приведёт к «потере самостоятельности партии», и потому сомневались в необходимости такого шага [62, с. 27]. Можно предположить, что участие в работе съезда представителя Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), голландского коммуниста Г. Маринга, и уполномоченного Дальневосточного секретариата (ДВСК) Никольского в определённой степени воспрепятствовало отражению подобных опасений в принятом документе. Третья статья, согласно которой партия утверждала советскую систему управления и признавала социальную революцию главной целью своего политического курса, а также *порывала все связи с жёлтой интеллигенцией и другими подобными группировками*, является скорее гибридной – она в равной степени могла

бы принадлежать и программе, и уставу. Четвёртая и следующие за ней статьи, по сути, представляют собой уставные положения, которые будут рассмотрены далее.

1.3.1. Члены партии и партийная дисциплина

Для лучшего понимания характера дискуссий на I съезде будет не лишним ознакомиться с социальным составом вновь учреждённой КПК: подавляющее большинство принадлежало к интеллигенции, лишь четверо из 58 человек являлись представителями рабочего класса; все, за исключением одного человека, закончили среднюю школу; 28 человек имели высшее образование, 19 человек являлись студентами высших учебных заведений; самому старшему – Хэ Миньфаню – было 55 лет, самому младшему – Лю Жэньцзину – 19. Женщин было двое – Мяо Боин и Лю Цинъян [37, с. 54].

В ходе обсуждения организационных вопросов и, в частности, критериев приёма в партию, возникла острая полемика: точка зрения Ли Ханьцзюня заключалась в том, что членом партии может быть каждый сочувствующий марксизму, а практическая работа и принадлежность к партийной организации не должны носить обязательный характер. На данном этапе необходимо обратить все силы на развитие студенческого движения и на культурно-просветительную работу, вооружить марксистской теорией интеллигенцию, а потом с ее помощью взяться за дело организации и воспитания рабочих. Партии пролетариата он противопоставлял объединение передовой интеллигенции, легальную организацию, занимающуюся изучением марксизма. С Ли Ханьцзюнем были солидарны Ли Да и Чэнь Гунбо. Крайне левые делегаты во главе с Лю Жэньцзином (который, к слову, впоследствии был обвинён в троцкизме) осуждали стремление к любого рода «легализации» и настаивали на запрете приёма в партию представителей интеллигенции. Однако большинство делегатов съезда выступили против подобных крайностей [68, т. 2, с. 204]. Согласно Статье 4 для вступления в ряды КПК, кроме признания программы и политики партии и желания преданно служить ей, необходима рекомендация одного члена, а также *разрыв связей со всеми партиями и группировками, выступающими против нашей программы.*

Особого внимания заслуживает Статья 14 (по содержанию относится к партийной дисциплине), запрещающая членам партии занимать правительственные посты или быть членами парламента (при отсутствии особых обстоятельств). Эта проблема, породившая споры и среди китайских коммунистов, существовала в международном коммунистическом движении уже более двадцати лет, и, более

того, была одной из основных причин его раскола на несколько лагерей³. Среди несогласных с введением данного положения в программу КПК были Ли Ханьцзюнь и Чэнь Гунбо, тогда как Лю Жэньцзин и Чжан Гочжу настаивали на обратном. В результате было решено вернуться к обсуждению этого вопроса на II съезде. Неоднозначность ситуации подкреплялась объективными условиями, в которых КПК вынуждена была разворачивать свою деятельность. Так, например, Чэнь Дусю на тот момент занимал пост главы департамента образования провинции Гуандун; в дальнейшем, в рамках реализации политики единого фронта многие коммунисты вошли в состав Южного правительства [62, с. 12-13]. К слову, в 1905 году Ленин, отвергая возражения меньшевиков, также настаивал на возможности (при «благоприятных условиях» – на необходимости) участия социал-демократов в буржуазном правительстве (в силу наличия *революционной ситуации*) [16, с. 70]. Подобная политика не могла однозначно расцениваться как проявление оппортунизма и в случае с КПК, потому что всецело отвечала нуждам настоящего момента китайской революции.

1.3.2. Организационная структура партии

Ключ к пониманию вопроса о структуре партии можно найти в уже упомянутых тезисах III конгресса Интернационала, который проходил в Москве за несколько недель до учредительного съезда КПК. Обратимся к п. 2: «Не может быть абсолютно правильной, неизменно формы организации коммунистических партий <...> Исторически обусловленные особенности каждой отдельной страны требуют особых форм организации для каждой отдельной партии. Эта дифференциация имеет, однако, известные пределы» [20, с. 202]. Таким образом, всю историю изменений устава, имеющих отношение к структуре, можно рассматривать как поиск «пределов», которые на отдельно взятом историческом этапе являются скорее «неизвестными». Однако, как отмечает А.И. Картунова, дискуссии на I съезде свидетельствовали о том, что делегаты не были ознакомлены с содержанием теоретических работ Коминтерна, и, в частности, даже с тезисами по национальному и колониальному вопросам (1920), следствием чего явилась «левосектантская позиция» съезда по отношению к другим партиям [17, с. 159]. Одной из причин подобной неосведомлённости, как ни странно, могли являться «трудности перевода»: А.В. Панцов указывает, что наиболее ранним изданием тезисов II конгресса на китайском языке следует считать их публикацию в первом номере журнала «Сяньцзюй» от 15 января 1922 г. [32, с. 35].

³ Широкую известность приобрёл так называемый «казус Мильерана», когда в 1899 году социалист А. Мильеран вошёл в состав буржуазного правительства Франции. Мильеранизм был решительно осуждён Лениным, и конгресс Второго Интернационала в 1904 году высказался против участия социалистов в буржуазных правительствах, несмотря на сопротивление оппортунистов [2].

Несмотря на то, что на момент I съезда определённые детали строения и функционирования партийного аппарата находились ещё в зародышевом состоянии, основные принципы должны были найти отражение уже в первом «уставе». Местный комитет, как гласит Статья 7, может быть организован в любой местности, где имеются пять членов партии. По Статье 9, в каждой местной организации, число членов которой не превышает десяти, назначается секретарь; при наличии более десяти членов также учреждаются должности казначея, организатора и пропагандиста; исполнительный комитет в местной парторганизации формируется при наличии в ней более 30 членов [68, т. 2, с. 197].

Расположение «верхушки» организационной вертикали, опять же, прописано в п. 45 тезисов Коминтерна: «Партия в целом находится под руководством Коммунистического Интернационала». В п. 46 обозначена и нижестоящая инстанция: «Центральный орган партии (Центральный комитет или Расширенный центральный комитет) ответственен перед съездом партии и ИККИ» [20, с. 220]. В Статье 12 программы КПК 1921 г. намечены рамки полномочий ЦК: они включают в себя контроль за деятельностью местных исполкомов. Однако, так как во время I съезда КПК в рядах партии состояло 58 человек, было принято решение отложить создание Центрального комитета. Согласно Статье 13, организация исполнительного комитета (ЦК) необходима после того, как число членов партии превысит 500 человек или когда в одном районе будет организовано более 5 местных исполнительных комитетов [68, т. 2, с. 198]. Пока же обязанности ЦК возлагались на Временное Центральное бюро, в состав которого вошли Чэнь Дусю (секретарь), Чжан Готао (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропаганду) [17, с. 159].

В последний день съезда, как пишет Чэнь Тяньцю, «кроме окончательного утверждения партийного устава⁴ также обсуждался вопрос об отношении к Сунь Ятсену». В результате «небольшой дискуссии» на вооружение был взят принцип, который «лёг в основу дальнейшего сотрудничества с Гоминьданом» [68, т. 2, с. 205]. В то же время, русскоязычные источники делают акцент на «сектантских позициях» съезда [17, с. 158; 18, с. 437; 34, с. 63], тенденция к отстаиванию которых сыграла отрицательную роль в последующие годы, и именно эта точка зрения находит подтверждение в третьей и четвёртой статьях партийной программы.

Таким образом, несмотря на очевидную лапидарность «Программы» 1921 г., она имплицитно содержала почти весь круг идей, которые получили развитие в последующих редакциях устава. На становление этой платформы – хотя и в неравном отношении – оказали влияние как внешние, так и внутренние факторы зарождающегося в Китае коммунистического движения, а характер дискуссий в

⁴ В оригинальном тексте употреблено именно слово 党章.

процессе её обсуждения на I съезде КПК во многом predetermined направление эволюции самой партии.

ГЛАВА 2 ЭВОЛЮЦИЯ УСТАВА В ПЕРИОД 1922-1928 гг.

2.1. Первый устав КПК 1922 г. и поправки 1923, 1925 гг.

II съезду КПК, который состоялся в июле 1922 г. в Шанхае, предшествовал I съезд народов Дальнего Востока. Созванный во Владивостоке в конце января – начале февраля того же года, съезд предпринял попытку ориентировать коммунистов из региона на временный союз с представителями буржуазно-демократических течений и последующую совместную борьбу за национальное освобождение [17, с. 162]. Эти установки были приняты к сведению руководством китайской компартии: одним из главных достижений II съезда КПК по праву считается разделение партийной программы на программу-максимум и программу-минимум, зафиксированное в манифесте съезда. Конечная цель оставалась неизменной: ликвидация частной собственности на средства производства, построение коммунистического общества. Но, кроме того, были чётко обозначены ближайшие цели, соответствующие настоящему этапу революции, такие как прекращение междоусобных войн, разгром милитаризма, свержение империалистического гнёта, объединение Китая и создание демократической республики [36, с. 83]. Однако не менее важным событием с точки зрения укрепления организационной основы КПК стало принятие «中国共产党章程» – первого полноценного устава. Документ включал в себя 29 статей, объединённых в 6 разделов: «Члены партии», «Организации», «Собрания», «Дисциплина», «Доходы» и «Дополнения» [68, т. 2, с. 508-510].

Несмотря на то, что необходимость объединения демократических сил Китая под знаменем национальной революции посредством союза с Гоминьданом, обсуждалась уже на II партийном съезде, вопрос о форме такого сотрудничества получил своё разрешение далеко не сразу [17, с. 163-164]. Помимо изначально существовавшего между партиями недоверия, дело осложнялось левацко-сектантскими настроениями внутри самой КПК. В одном из писем Войтинскому в апреле 1922 г. Чэнь Дусю назвал шесть причин, по которым союз КПК и Гоминьдана невозможен, и первой из них было «расхождение основной цели» двух партий [69]. В преодолении разногласий как теоретического, так и практического характера определяющую роль суждено было сыграть Коминтерну.

«ИККИ рассматривает Гоминьдан как революционную партию, которая хранит заветы революции 1911 г. и стремится создать независимую китайскую республику» – гласила инструкция ИККИ представителю Коминтерна в Южном Китае в августе 1922 года. Из этого следовало, что «коммунисты должны создать

группы приверженцев в самом Гоминьдане и профсоюзах», сохраняя при этом организационную самостоятельность и независимость КПК [21, с. 25-26]. Эта рекомендация была учтена III съездом КПК, проходившем в июне 1923 г. в Гуанчжоу. В подтверждение процитируем п. 5 «Резолюции об отношении к национальному движению и партии Гоминьдан», принятой съездом: «Рабочий класс ещё не окреп, и потому, естественно, не может возникнуть сильная коммунистическая партия – партия широких народных масс, которая отвечала бы нуждам нынешней революции. Ввиду этого ЦК КПК осознаёт необходимость решения Коминтерна о сотрудничестве с Гоминьданом и вступлении в него членов КПК, и будет действовать в соответствии с данным решением» [68, т. 2, с. 530]. Однако в центре внимания съезда находилась не только концепция единого фронта. В директиве ИККИ III съезду КПК также говорилось о том, что успех революции зависит от вовлечения в неё основной массы китайского населения, которую составляют крестьяне, а потому «центральным вопросом всей политики является именно крестьянский вопрос» [21, с. 39]. Чэнь Дусю, выступивший на съезде с кратким отчётным докладом, указал на такие тревожные явления в партийной жизни, как групповщина, разобщённость, неуплата партийных взносов и т.д., а также прямо заявил о том, что «некоторые товарищи всё ещё против вступления в Гоминьдан» [цит. по: 19]. В общей сложности III съезд принял семь документов, одним из которых был 《中国共产党第一次修正章程》 – «Пересмотренный устав КПК» («Устав КПК с изменениями»).

Решающее значение для оформления единого фронта имел процесс реорганизации Гоминьдана, который проходил под непосредственным руководством со стороны деятелей Коминтерна. Занимавший должность политического советника в партии Сунь Ятсена М.М. Бородин не только принимал участие в подготовке манифеста, программы и устава Гоминьдана, но и «медленным шагом, робким зигзагом» старался повлиять на идейную ориентацию его основателя [6, т. 1, с. 358], что имело определённый успех: обновлённая трактовка «трёх народных принципов» имела антиимпериалистическую, антифеодальную направленность и дополнялась установками на сотрудничество с КПК и СССР, на широкую поддержку в среде крестьян и рабочих [19].

На I съезде Гоминьдана в январе 1924 г., который санкционировал принятие коммунистов в партийные ряды, несколько делегатов предложили внести в устав Гоминьдана статью, которая запрещала бы двойную партийную принадлежность [17, с. 164]. Как впоследствии заметил Л.М. Карахан в письме Г.В. Чичерину, «Сунь Ятсен им дал надлежащую отповедь», а коммунисты «вели себя на съезде великолепно, дисциплинированно и никакими левокоммунистическими выступлениями не осложняли общей работы <...>» [6, т. 1, с. 372]. Утверждённый на съезде устав «приближался к уставу нашей партии, коммунистической» [там же, с. 373]: в нём, в частности, предусматривалось создание низовых

организаций, что должно было способствовать расширению социальной базы партии. Там же, на съезде, Ли Дачжао во всеуслышание напомнил о задачах коммунистов, вступающих в Гоминьдан: «Мы берём на себя перед Гоминьданом двойную ответственность: одна – обычная для члена партии, другая – держать связь партии с мировым революционным движением в интересах обеспечения общего прогресса» [24, с. 385]. Таким образом, компартия, не теряя самостоятельности, должна была выполнять роль «связующего звена» между национальной и международной организациями.

IV съезд КПК, проходивший в январе 1925 г. в Шанхае в обстановке оживления рабочего и национально-освободительного движения [17, с. 167], утвердил «Вторично пересмотренный устав КПК», однако принципиальных изменений новая редакция не содержала, что можно объяснить стремлением к сохранению организационной основы, заложенной до создания единого фронта.

2.1.1. Члены партии и партийная дисциплина

В Уставе 1922 года раздел «Члены партии» содержит три статьи: в первой из них говорится об отсутствии разделения членов партии по признакам пола и гражданства; каждый, кто признаёт партийный манифест и устав и готов верно служить партии, может стать её членом. Отметим, что Ли Чжунцзе посвятил одну из глав своей книги 无国籍之分 – ‘отсутствию разделения по признаку гражданства’ [62, с. 26-29], сделав акцент на отношениях подчинения между Коминтерном и КПК. Однако, на наш взгляд, суть этого положения заключалась, прежде всего, в укреплении пролетарского интернационализма как одного из высших принципов международного коммунистического движения. Более декларативный характер имело «отсутствие разделения по признаку пола»: как уже отмечалось выше, женщин в КПК были единицы.

Вторая статья определила формальные основания для приёма в партию: так, кандидату необходимо представить рекомендацию от одного члена партии в местный исполнительный комитет; с санкции последнего уведомляются районный и центральный комитеты, которые также должны рассмотреть и одобрить заявку на вступление в партию; однако при приёме рабочего нужно лишь согласие местного исполкома, который уведомляет о нём районный и центральный исполнительные комитеты. Стоит отметить, что устав 1922 г. не содержал положений об испытательном сроке/кандидатском стаже, в отличие от устава РКП(б) [53], который, как считается, оказал на первый «сильное влияние» [4, с. 162]. Третья статья гласит, что непосредственное согласие ЦК или принадлежность к коммунистической партии любого государства, входящей в Коминтерн, также являются достаточными основаниями для приёма в партию [68, т. 1, с. 508].

В редакции 1923 г. вышеупомянутый раздел состоит из четырёх статей. По сравнению с документом 1922 года первая статья не претерпела значительных

изменений: только 宣言 ‘манифест’ уступил место 党纲 ‘партийной программе’ (проект которой также был рассмотрен на III съезде). Существенные метаморфозы обозначились во второй статье: отныне для вступления в партию стало необходимым иметь рекомендации двух её членов с официальным партийным стажем более полугода, а также получить согласие партийной ячейки, местного и районного исполнительных комитетов. Однако прохождение этих процедур отныне не гарантировало полноценного членства: предусматривалось прохождение кандидатами испытательного срока (кандидатского стажа). Для трудящихся он составлял 3 месяца, для нетрудящихся – 6, но этот срок мог быть изменён по усмотрению местного исполкома. Кандидаты в члены партии могли участвовать лишь в собраниях партийной ячейки, обладали только правом совещательного голоса и избирательным правом, но их обязанности были такими же, как у официальных членов [68, т. 1, с. 535]. Подчеркнём, что в данной редакции устава вместо 工人 ‘рабочие’ использован более широкий по своей семантике термин 劳动者 ‘трудящиеся’. На наш взгляд, такая лексическая замена отразила возросшее со времени II съезда внимание к крестьянскому вопросу, о котором было сказано выше.

Изменения коснулись и третьей статьи: даже после непосредственного одобрения ЦК необходимым стало прохождение испытательного срока, а члены партий, входящих в Коминтерн, могли присоединиться к КПК только с санкции ЦК. Как видим, по сравнению с уставом 1922 года процедуры вступления в партию ужесточились.

Особого внимания заслуживает четвёртая статья, посвящённая условиям добровольного выхода из партии. Появление этого положения, вероятно, связано с активизацией внутрипартийных процессов идейного «размежевания», наметившегося уже в дискуссиях на I съезде, о которых говорилось выше. Но, разумеется, причинами выхода были не только разногласия теоретического характера: так, Ли Да и Ли Ханьцзюнь покинули партию из-за «недовольства авторитаризмом Чэнь Дусю» [62, с. 23].

В уставе 1925 г. небольшие изменения коснулись Статьи 2: теперь при принятии новых членов необходимо было согласие местного комитета (раньше – ещё и районного), а члены партии на испытательном сроке отныне обладали только правом совещательного голоса [68, т. 3, с. 203].

Что касается раздела, посвящённого партийной дисциплине, то в течение 1922-1925 гг. его содержание оставалось относительно стабильным. В статьях закреплялись верховенство власти Всекитайского съезда и ЦК (в промежутках между съездами); обязанность членов партии исполнять решения съезда и ЦК; подчинение нижестоящих органов вышестоящим; запрет на вступление в другие политические партии при отсутствии санкции ЦК, а также необходимость офи-

циального выхода из другой партии при вступлении в КПК; принятие всех решений большинством голосов и абсолютное подчинение меньшинства большинству и др. Вступил в силу и запрет на чиновничью службу в буржуазном государстве без специального разрешения ЦК. Среди оснований для исключения из партии были следующие: нарушение программы или устава партии, решений съезда или исполкомов; пропуск двух (в редакции 1925 года – трёх) собраний подряд; неуплата членских взносов в течение трёх месяцев, невыполнение партийных поручений в течение четырёх недель (всё – в случае отсутствия уважительной причины); отстранение от собраний за несоблюдение дисциплины, не сопровождающееся исправлением в течение установленного срока; разглашение партийной тайны [68, т. 2, с. 509-510, 536-537; т. 3, с. 204-205].

2.1.2. Организационная структура партии

Согласно п. 4 устава Коминтерна, основой коммунистической партии является ячейка на предприятии [20, с. 47]. Данное положение закрепились в Статье 4, принадлежащей второму разделу устава КПК 1922 г.: 组 – ‘группа, ячейка’ – могла быть создана в деревне, на заводе, железной дороге, руднике, в воинской части, учебном заведении или расположенном вблизи них населённом пункте из трёх-пяти членов партии. В той же статье подчёркнута роль партийной ячейки в обеспечении единства партии. В Статье 5 говорится о том, что местный исполнительный комитет избирается⁵ в количестве трёх членов и трёх кандидатов (на случай возникновения необходимости замены одного из членов) общим собранием в любой местности, где имеется больше двух коммунистических организаций. Районный исполком, согласно следующей статье, избирается в количестве пяти членов и трёх кандидатов [68, т. 2, с. 508].

В редакции 1923 г. первичная организация именовалась “小组” (что, впрочем, также переводится на русский язык как ‘ячейка’) и могла состоять из пяти-десяти членов партии [68, т. 2, с. 535]. Также предусматривалось расширение состава ЦК: по уставу 1922 г. Всекитайский съезд партии должен был избирать в ЦК пять членов и трёх кандидатов, замещающих вакансии по мере необходимости [там же, с. 508-509], тогда как в уставе 1923 г. речь идёт о девяти членах и пяти кандидатах [там же, с. 536]. Такие количественные изменения вполне могли быть обусловлены ростом числа членов партии: 420 на момент III съезда против 195 на момент II съезда КПК [17, с. 164].

В уставе 1925 г. необходимое количество членов для организации ячейки снова было приравнено к трём. Кроме того, термин “小组” был заменён на “支部” – ‘отдел, ячейка’, а 委员长 ‘глава’ на всех уровнях уступил место 书记 ‘секретарю’ [68, т. 3, с. 203].

⁵ Термин 推举 соответствует русскому ‘рекомендовать на должность, выдвигать’, т. е. предполагается одобрение со стороны вышестоящих органов; в редакции устава 1927 г. заменён на 选举 ‘избирать’.

2.2. Устав 1927 г.

V съезд КПК, проходивший в конце апреля – начале мая 1927 г. в Ухане, непосредственно не занимался пересмотром устава партии: на повестке дня стояли более насущные вопросы о поиске путей выхода из возникшего революционного кризиса [62, с. 36]. Тем не менее, согласно решениям VII расширенного пленума ИККИ и более поздним директивам Коминтерна, линию которых поддержал съезд, основными задачами текущего момента являлись борьба за гегемонию пролетариата в национально-освободительном движении (особое значение придавалось фракционной работе внутри Гоминьдана) и аграрная революция. Был избран новый состав ЦК КПК, но генеральным секретарём остался Чэнь Дусю [17, с. 177]. Также впервые было сформировано Политбюро, которое и занималось пересмотром устава партии после съезда.

1 июня 1927 г. на заседании Политбюро был принят устав КПК в четвёртой редакции. Несмотря на то, что документ всё ещё позиционировался как «устав с поправками» (《第三次修正章程》), по сравнению с предыдущими редакциями изменения – как в аспекте формы, так и в аспекте содержания – были весьма значительны [62, с. 37]. Теперь документ состоял из 85 статей, объединённых в 12 разделов: «Члены партии», «Партийное строительство», «Центральные органы партии», «Провинциальные организации», «Городские и уездные организации», «Районные организации», «Партийные ячейки», «Ревизионная комиссия», «Дисциплина», «Фракции», «Доходы», «Связь с комсомолом» [68, т. 3, с. 415-421]. Отметим, что структура устава значительно приблизилась к структуре устава ВКП(б) [50].

2.2.1. Члены партии и партийная дисциплина

С одной стороны, к моменту V съезда компартия стала действительно массовой партией: за период с IV съезда число её членов увеличилось с 950 до 57967 [36, с. 174]. О непрерывно растущем влиянии КПК свидетельствовал и тот факт, что более половины членов вступили в неё за три месяца, предшествующие съезду [17, с. 176]. С другой стороны, как гласил п. 10 резолюции VI расширенного пленума ИККИ по китайскому вопросу от 13 марта 1926 г., было необходимым «возможно скорее изжить старые узкосектантские взгляды на членство в коммунистической партии массовика-рабочего» и «устранить все излишние формальные препятствия для вступления в партию рабочих» [21, с. 63]. Так как с 1925 г. устав ещё не подвергался пересмотру, данное замечание сохраняло свою актуальность.

Количество статей в первом разделе устава, традиционно посвящённом вопросам членства, увеличилось до 11. В первой статье появилось положение о том, что, помимо признания партийной программы и устава, потенциальный член партии должен подчиняться её решениям, принимать участие в работе определённой партийной организации и платить членские взносы [68, т. 3, с. 415]. Обратим особое внимание на «участие в работе партийной организации»: схожая формулировка содержалась в уставе ВКП(б)⁶. Значение этого уточнения было подчёркнуто и в тезисах Коминтерна: «Самым важным [для принадлежности к коммунистической партии] является участие каждого члена в повседневной партийной работе <...> Для участия в повседневной работе каждый член партии постоянно должен входить в состав более мелкой рабочей группы: в комитет, коллегию, группу, фракцию или ячейку» [20, с. 204].

Во второй статье речь шла о необходимости получения рекомендации одного члена партии (напомним, в предыдущей редакции – двух, с партийным стажем более полугода); кандидатура должна была рассматриваться советом партийной ячейки и утверждаться её собранием, а также получить одобрение городского или уездного комитета, после чего кандидат либо становился официальным членом партии, либо попадал на испытательный срок. Третья статья закрепила отсутствие испытательного срока для трудящихся (рабочих, крестьян, ремесленников, торговцев, военных и т.д.), для категории нетрудящихся (интеллигенция, самозанятые) был установлен трёхмесячный испытательный срок; однако его длительность могла быть скорректирована по усмотрению горкома или укома сообразно с обстоятельствами. Таким образом, «претензии» ИККИ были в какой-то мере удовлетворены, и процедура вступления в партию рабочих (и не только) стала проще. Однако, как отмечает И.Е. Пожилов, «в некоторых уездах при самых высоких показателях приёма в ряды отсутствовал «сам предмет, куда вступать» <...>, не говоря уже о введении в практику начального воспитания и обучения», что нередко оборачивалось настоящим фарсом: руководящие кадры «в донесениях наверх проставляли цифры наобум», а огромное количество крестьян и вовсе сомневались в своей партийной принадлежности [15, с. 118-119]. Восьмая статья устанавливала возрастной ценз: отныне стать членом партии было возможно лишь по достижении восемнадцатилетнего возраста; лица, не достигшие двадцатилетнего возраста, могли вступить в партию только через комсомол (исключение составляли военнослужащие) [68, т. 4, с. 415].

Раздел, посвящённый дисциплине, также был подвергнут переработке. Так, статья 56, входящая в него, по содержанию идентична статье 83 устава ВКП(б) того же раздела и звучит следующим образом: «Строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных

⁶ В своё время вопрос о необходимости такого дополнения стал предметом дискуссии между Лениным и Мартовым, подробно описанной в работе Ленина «Шаг вперёд, два шага назад» [8, с. 227].

организаций, постановления партийных органов должны исполняться оперативно и точно. Обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение [по этим вопросам] не принято». Статья 66 установила определённые (различные для членов партии и партийных организаций) виды наказаний за нарушение дисциплины, которые, впрочем, также копируют положения устава ВКП(б), за некоторыми исключениями: для членов партии предусматривался такой вид дисциплинарного взыскания, как временное отстранение от работы, но, конечно, не от «ответственной партийной и советской работы», а от «работы в партии, Гоминьдане, Национальном правительстве». Отметим, что это первый случай, когда название партии Гоминьдан фигурирует в партийном уставе. В уставе ВКП(б) также говорится о том, что «перевод в кандидаты, как мера партийного взыскания, не допускается», тогда как для КПК она являлась актуальной и была прописана наряду с остальными мерами.

Сохранились и ставшие «традиционными» для устава КПК статьи, не имеющие аналогов в уставе ВКП(б). Однако в контексте такого сравнения зафиксированный в Статье 68 запрет на присоединение к другим политическим партиям приобретает прямо противоположное значение: само наличие данного положения говорит, скорее, не о запрете, а о *возможности* двойной партийной принадлежности, хотя и с обязательного разрешения ЦК. Интересная метаморфоза обозначилась в Статье 69: вместо 资本阶级的国家 – ‘буржуазных государств’, в которых запрещается занимать политические посты без санкции ЦК (в редакциях 1922-1925 гг.), теперь просто 国家 – ‘государства’.

2.2.2. Организационная структура партии

Вернёмся к вышеупомянутой резолюции VI расширенного пленума ИККИ по китайскому вопросу: «...организационное оформление партии далеко ещё не завершено. Политическое самоопределение китайских коммунистов будет развиваться в борьбе против правого ликвидаторства <...> и против крайне левых настроений» [21, с. 61]. VII пленум ИККИ акцентировал своё внимание на «усилении активности и самостоятельности низовых партийных организаций, ячеек, общих собраний членов партии и т. д.» и «укреплении фракций, особенно в профсоюзах, в руководящих органах крестьянских союзов и в организациях Гоминьдана» [там же, с. 103]. В условиях возрастающего влияния КПК в широких народных массах и, как следствие, увеличения количества членов партии, вопрос об устойчивости партийной организации приобретал особенную остроту.

В связи с этим нельзя не отметить появление нового раздела – «Партийное строительство», включающего девять статей. Заметим, что его содержание во многом повторяет раздел «Об организационном строении партии» устава ВКП(б). Так, согласно уже упомянутому «21 условию» приёма в Коминтерн, партия должна строиться на основе принципа демократического централизма [20, с.

103], и именно в Статье 22 устава 1927 г. он впервые закрепляется номинально. Следующая статья объясняет значение этого принципа: организация, обслуживающая какой-либо район, считается высшей по отношению ко всем организациям, обслуживающим части данного района. Исполнительные органы партии избираются (отметим, что 推举 ‘рекомендация, выдвижение’ в прошлой редакции устава, предполагавшая одобрение со стороны вышестоящего органа, была заменена на 选举 ‘избрание’) общим собранием членов партии или съездом представителей и утверждаются вышестоящими органами; однако при особых обстоятельствах вышестоящие органы могут сами назначать их. В этом же разделе устава впервые чётко отражена система партийной организации, включающая пять уровней: всекитайский, провинциальный, городской/уездный, районный и уровень производственного подразделения. В продолжение темы необходимости «участия в организационной работе»: в статье 19 данного раздела оговорено создание специализированных подразделений (таких, как орготдел, отдел пропаганды, отдел по делам женщин и т.д.) на всех уровнях [68, т. 3, с. 416].

Следующий раздел был всецело посвящён работе центральных органов партии. Для руководства всей политической работой предусматривалась организация Политбюро, а также Постоянного комитета Политбюро, ответственного за «повседневные» вопросы. Расширились полномочия ЦК: так, по Статье 24 он был наделён правом представлять партию в сношении с другими партиями и учреждениями. Статьей 22 определялось содержание работы верховного органа партии – Всекитайского съезда: обсуждение и утверждение отчётов о работе ЦК, Центральной контрольной комиссии и прочих центральных учреждений; пересмотр и редактирование партийной программы и устава; определение тактической линии партии по текущим вопросам; избрание ЦК, Центральной контрольной комиссии и других центральных органов. К слову о Центральной контрольной комиссии: целью её создания, согласно статье 60, было укрепление единства и авторитета партии. Эта новая инстанция, функционированию которой также посвящён целый раздел, должна была стать своего рода ограничительным механизмом, препятствующим злоупотреблениям со стороны других руководящих органов.

Помимо этого, были впервые сформулированы задачи первичных организаций – ячеек, а также добавлены разделы «Фракции» и «Связь с комсомолом», что, в целом, соответствовало духу вышеизложенных тезисов VII пленума ИККИ.

2.3. Устав 1928 г.

Политическая обстановка в стране после разрыва отношений с Гоминьданом отнюдь не благоприятствовала дальнейшему развёртыванию партийной деятельности. В результате трагических событий 1927 г. численность компартии сократилась с 58 тыс. человек в мае до 10 тыс. к концу того же года. При этом «весьма любопытным» И.Е. Пожилов считает тот факт, что далеко не все потери коммунистов относились к «расстрелянным на улицах по горячим следам либо сгинувшим в застенках жертвам гоминьдановского террора»: многие арестованные члены КПК предпочитали добровольное «раскаяние в содеянном государственном отщепенстве» [15, с. 115]. Тем не менее, основные руководящие кадры КПК оставались в строю [17, с. 180].

Одним из итогов чрезвычайного совещания ЦК КПК 7 августа 1927 года стало отстранение от партийного руководства «правых оппортунистов» во главе с доселе бессменным генсеком Чэнь Дусю [18, с. 481]. Тогда же обозначился и новый партийный курс – на развитие советского движения. Однако из-за некоторых «перегибов» и не вполне верного анализа текущей ситуации его реализация поначалу сопровождалась неудачами [36, с. 203].

Из-за преследований коммунистов со стороны гоминьдановских властей VI съезд, на котором новая политическая линия получила более чёткое оформление, начал свою работу 18 июня 1928 года на окраине Москвы. Разработка ключевых решений происходила при непосредственном участии деятелей Коминтерна [17, с. 298-299].

Обращает на себя внимание письмо Б.А. Васильева от 10 апреля 1928 г., которое сыграло роль пояснительной записки к проекту устава (до настоящего времени документ не обнаружен), направленного в ЦК КПК. Автор отмечает, что, хотя данный проект был подготовлен «с учётом всего международного опыта строительства коммунистического движения», нужно осуществить его «самую серьёзную критическую проработку», потому как условия развития КПК имеют ряд «специфических моментов», которые могут быть учтены только непосредственным руководством партии на местах. В то же время декларировалась необходимость пересмотра устава на VII съезде для внесения поправок, «вытекающих из опыта партийной работы в промежутке между VI и VII съездами». Предполагалось также, что по ряду вопросов, сознательно «опущенных» в тексте устава, партия «будет руководствоваться специальными конкретными решениями предстоящего съезда и дополнительными директивами будущего Центрального Комитета» [6, т. 3, с. 372].

VI съезд принял резолюции по политическому, военному, организационному вопросам; по вопросам пропаганды и национальных меньшинств; по женскому вопросу и др., а также пересмотрел и утвердил новый партийный устав [62, с. 47]. Подчеркнём, что данный документ, состоящий из 15 разделов и 53 статей,

получил название «устава», а не «устава с поправками», как три предыдущих редакции. Изменился и стиль изложения статей; однако все расхождения по форме ни в коем случае не перевешивают расхождений по содержанию, к которым мы обратимся далее.

Первый раздел, в отличие от предыдущих редакций документа, посвящён наименованию партии: «Коммунистическая партия Китая, секция Коммунистического Интернационала». И это – лишь первое из восемнадцати упоминаний международной организации в тексте устава.

2.3.1. Члены партии и партийная дисциплина

Руководящая роль Коминтерна недвусмысленно подчёркнута и во втором разделе – «Члены партии»: отныне членом КПК может стать тот, кто «признаёт Коммунистический Интернационал, партийную программу и устав, входит в одну из партийных организаций и активно работает в ней, подчиняется резолюциям Коминтерна и партии, а также уплачивает партийные взносы», и в данной формулировке 共产国际 ‘Коминтерн’ неизменно предшествует 本党 ‘данной партии’. Также отметим, что по сравнению с прошлой редакцией добавлено требование об «активной работе».

Следующая статья проводит наиболее чёткую, по сравнению с предыдущими версиями устава, демаркационную линию между категориями вступающих в партию посредством установления необходимого количества (и качества) рекомендаций. Так, заводские рабочие должны получить одну рекомендацию, проведённую через производственную ячейку; крестьяне и ремесленники, а также представители интеллигенции и должностные лица низшего уровня – две рекомендации, другие служащие – три. Примечательно, что для «выходцев из других политических партий (напр. Гомиьндан)» выделена особая категория: им нужно иметь три рекомендации от членов партии со стажем не менее года; в прошлом рядовые члены других партий должны быть утверждены провинциальным комитетом, а члены, занимавшие руководящие должности, – получить одобрение ЦК.

Нельзя не заметить полного исчезновения термина «кандидатский стаж». Своеобразным аналогом института «кандидатов» можно считать следующую практику, описанную в одном из примечаний к Статье 3: новые члены партии, ещё не получившие официального подтверждения, направляются парторганизацией на какую-либо партийную работу для оценки его «уровня» и «[полноты] понимания партийных задач».

В Статье 4 впервые был обозначен вопрос о присоединении отдельных частей политических организаций или целых политических группировок, решение которого осуществляется непосредственно Центральным комитетом [24, с. 348]. И такие прецеденты имелись: 10 июня 1930 г. Маньчжурское бюро Корейской

компартии (ККП) объявило о своём роспуске и присоединении к КПК [7, с. 30]. В результате 430 членов вступили в различные организации Маньчжурского отдела КПК, что явилось самым масштабным единовременным пополнением партийных рядов за счёт иностранных граждан [66].

Значительно сократился раздел, посвящённый партийной дисциплине: в нём содержится всего две статьи. Отчасти это связано с увеличением объёма оставшихся статей, отчасти – с «перераспределением» некоторых положений предыдущих редакций: так, например, необходимость беспрекословного подчинения меньшинства большинству теперь оговаривается в статье из раздела «Организационное строение партии»; однако несколько «заповедей» – о двойной партийной принадлежности и службе в госорганах – канули в Лету [68, т. 4, с. 353].

2.3.2. Организационная структура партии

Прежде чем углубиться в детали партийной структуры, отметим одну особенность структуры самого устава: тогда как в редакции 1927 г. ряд разделов, посвящённых функционированию партийных организаций на всех уровнях, начинается с «Центральных органов» и заканчивается «Ячейкой», тем самым повторяя структуру устава ВКП(б), в уставе 1928 г. реализован противоположный порядок – от «Ячейки» к «Центральному комитету» (при этом раздел «Всеитайский съезд» располагается *перед* разделом «Центральный комитет», что не вполне соответствует декларируемой иерархии партийных органов). Вернёмся к письму Б.А. Васильева: «Основное внимание партии должно быть обращено сейчас прежде всего на оформление и укрепление *местных партийных организаций* (курсив наш)» [6, т. 3, с. 373]. Таким образом, изменившийся порядок свидетельствует, во-первых, о смещении акцентов партийной работы в сторону стимулирования активности «низов». Во-вторых – о формальном повышении статуса ЦК. Расширение полномочий этого органа выразилось и в положениях нового раздела – «Всеитайская конференция»: решения конференции, которая созывается два раза в год, считаются вступившими в силу после их утверждения Центральным комитетом; за её состав и нормы представительства также отвечает ЦК [68, т. 4, с. 349-353]. Отметим исчезновение должности генерального секретаря: хотя главой партии теперь де-факто являлся председатель ПК Политбюро, по непонятным причинам это не было отражено в партийном уставе [62, с. 51].

Несмотря на то, что руководящая роль принципа демократического централизма в партийной организации была закреплена и в предыдущей версии устава, само понятие 民主集中 на страницах документа раскрыто впервые. Обратим внимание также на Статью 10, провозглашающую самостоятельность партийных организаций в принятии решений по местным вопросам: теперь эта «самостоятельность» формально ограничивалась рамками резолюций Коминтерна

и партии. Однако на практике это не исключало «произвола»: в указаниях нижестоящим органам с мест могли отсутствовать некоторые важные детали положений, сформулированных Центром [15, с. 118].

Особую категорию нововведений составляют примечания, уточняющие содержание отдельных статей. Так, например, в уставе 1928 г. впервые затрагивается вопрос национальных меньшинств: примечание к статье 15 гласит, что для возможности ведения работы с представителями нацменьшинств на их языке и облегчения этой работы под началом местных парткомов создаются отделы нацменьшинств [68, т. 4, с. 349-350]. Это положение имело особое значение ввиду того, что, с одной стороны, вторая половина 20-х гг. отметилась спадом национально-освободительного движения неханьских народов (как по причине репрессий со стороны властей, так и в силу размежевания внутри самого движения – «перехода феодально-клерикальных кругов на сторону правящих классов Китая») [2, с. 229], с другой, как отмечает И.В. Ставров, «коммунистам периодически удавалось перевести антиханьские выступления в антиправительственные». Особенно успешной в этом отношении оказалась деятельность Дэн Сяопина в провинции Гуанси, где он посредством союза с местным вождём сумел вовлечь в революционную работу чжуанов [44].

Согласно статье 23, в уезде, помимо делегатов от уездного города, отныне равным образом должны быть представлены делегаты от партийных органов волостей и районов данного уезда, а также от наиболее значительных деревень [68, т. 4, с. 351]. Появление такого дополнения вполне объясняется следующим фактом: к моменту созыва съезда из 40 тыс. членов КПК более $\frac{3}{4}$ составляли крестьяне [17, с. 298]. Как отмечает Л.П. Делюсин, неверные выводы о положении в стране часто основывались на настроениях крестьян одной волости (уезда) [11, с. 402], и потому расширение крестьянского представительства в партийных органах имело большое значение для подавления авантюризма в руководстве КПК.

Для обобщения и наглядного представления результатов работы на данном этапе нами были выделены ключевые параметры, сопоставления которых достаточно для выявления наиболее значительных закономерностей развития устава в рассматриваемый период. В сводной таблице представлены данные по трём редакциям устава: программа 1921 г. не включается в итоговое сравнение ввиду её структурной «неполноценности»; изменения в уставах 1923, 1925 гг. по сравнению с редакцией 1922 г. в основном несущественны [таблица 1].

Таким образом, в ходе эволюции устава в период 1922-1928 гг. явно обозначились следующие тенденции:

1. Увеличение количества уставных статей, которое отразило процесс систематизации аспектов партийной жизни, со временем уступает место обобщению содержания отдельных положений. Однако это обобщение несколько нивелируется появлением новых разделов устава.

2. Планомерное ужесточение процедур вступления в партию, происходящее наряду с расширением её социальной базы, постепенно сменяется ужесточением этих процедур лишь для отдельных категорий граждан.

3. Смещение акцентов с дифференциации проступков на дифференциацию мер дисциплинарного взыскания: с развитием партийного аппарата специфика нарушений отходит на второй план; более актуальным становится выбор адекватного наказания.

4. Устойчивое усложнение организационной структуры; возрастание роли центральных органов и последующий возврат к приоритету инициативы «снизу».

Таблица 1

Критерий сравнения	Устав 1922 г.	Устав 1927 г.	Устав 1928 г.
1. Структура устава			
Количество статей	29	85	53
Кол-во разделов	6	12	15
2. Члены партии			
Кол-во категорий вступающих	2 (рабочие и все остальные)	2 (трудящиеся и не-трудящиеся)	4
Кандидатский стаж	- (в ред. 1923, 1925 гг. +)	+	-
3. Партийная дисциплина			
Кол-во категорий проступков	6	2	2
Меры дисциплинарного взыскания	исключение из партии	различаются для членов и организаций; всего 8 видов	различаются для членов и организаций; всего 9 видов
4. Организационная структура партии			
Кол-во орг. уровней	4	5	6
Порядок описания структуры	от ячейки к ЦК	от всекитайского съезда и ЦК к ячейке	от ячейки к всекитайскому съезду и далее к ЦК

ГЛАВА 3 УСТАВ КПК 1945 г.

3.1. Курс КПК в новых исторических условиях

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению редакции устава 1945 г., необходимо уяснить, во-первых, чем обусловлено столь длительное, семнадцатилетнее «затишье» по вопросу внесения изменений и дополнений в документ: представляется маловероятным, что необходимость пересмотра как отдельных положений, так и целых разделов полностью отсутствовала. Во-вторых, почему, несмотря на сложную внутривнутриполитическую обстановку, устав всё-таки был подвергнут значительной переработке и утверждён на очередном съезде КПК.

Подъём советского движения и укрепление революционных баз в 1929-1933 гг., породившие как в Коминтерне, так и внутри самой КПК чрезмерно оптимистичные оценки перспективы развития революционной ситуации, сменились полосой серьёзных поражений. В результате карательных походов Гоминьдана, нанёсших значительный урон советским районам Китая, к концу 1934 г. стало очевидным, что движение под лозунгом Советов потерпело тяжелейшее поражение. Во время отступления Красной армии на северо-запад, которое получило название Великого похода, основная масса членов КПК погибла [18, с. 518].

В период Великого похода также были в значительной степени утрачены каналы связи КПК с Коминтерном. На этом фоне внутри партии обострилась фракционная борьба, во многом определившая вектор развития КПК во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. В январе 1935 г. в Цзуньи по требованию Мао Цзэдуна было созвано расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, ставшее, как гласит «Решение по некоторым вопросам истории КПК...», «переломным моментом» в существовании партии [39, с. 6]: по его результатам Мао был кооптирован в состав ПК Политбюро и назначен помощником Генерального политкомиссара Красной армии, что явилось началом его возвышения в партийном руководстве и первым шагом к концентрации власти. В совещании принимали участие как члены Политбюро (Чжан Вэньтянь, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и др.), так и армейские деятели (Лю Бочэн, Линь Бяо, Пэн Дэхуай и др.), а также начальник Секретариата ЦК Дэн Сяопин. Присутствовал и О. Браун (Ли Дэ), военный советник ЦК КПК [17, с. 322]. Последний, вспоминая о событиях в Цзуньи, подчеркнул: право решающего голоса на совещании получили члены временного революционного правительства, представители Главного штаба, армейские

командиры и комиссары, и это было грубым нарушением партийного устава [4, с. 129-130]. На том, что кооптация Мао Цзэдуна шла вразрез с уставными нормами, впоследствии настаивал и Чжан Готао [там же, с. 176]. В результате обострения противоречий по вопросам маршрута Великого похода под руководством последнего был образован второй ЦК. Раскол был преодолен только через год при посредничестве КИ [17, с. 800].

В этот же период определённые сдвиги происходили и в руководстве Коминтерна: новые вызовы в антифашистской борьбе обусловили необходимость корректировки организационных форм и методов работы. В июле 1934 года в письме в ИККИ Г. Димитров акцентировал внимание на том, что «невозможно руководить из Москвы по всем вопросам всеми 65 секциями Коминтерна, находящимися в самых разнообразных условиях». В связи с этим был предложен план реорганизации, согласно которому в ведении Коминтерна оставались только вопросы общего руководства, а укрепление компартий на местах происходило за счёт сокращения «громоздкого бюрократического аппарата ИККИ» [59, с. 29]. В результате структурной перестройки органов после VII конгресса КИ в 1935 г. его формальным главой и, в то же время, куратором «китайского направления» стал Димитров. Он, в свою очередь, де-факто находился в полном подчинении Сталина, и именно за последним было закреплено решающее слово по любому вопросу политики КИ в Китае. Также были упразднены лендерсекретариаты и институт инструкторов ИККИ – главные «посредники» между ИККИ и компартиями, повысился статус Делегации КПК при ИККИ, во главе которой находился Ван Мин [43, с. 79-81].

В условиях непрерывного усиления японской экспансии на повестку дня был остро поставлен вопрос об образовании единого национального фронта – новые вызовы требовали значительной корректировки политического курса как со стороны Гоминьдана, так и со стороны КПК. В 1935-1936 гг. позиция последней оставалась довольно противоречивой: принимая резолюции о создании широкого патриотического фронта, руководство КПК не снимало лозунги борьбы с Нанкинским правительством; не предпринимал попыток к установлению сотрудничества и Чан Кайши, более озабоченный междоусобицами милитаристских группировок внутри страны. Отправной точкой в изменении статуса-кво стал так называемый Сианьский инцидент – конфликт между Чан Кайши и генералами региональных армий, возникший на почве их предложений о примирении с коммунистами. Апогеем этих событий явился арест председателя Национального правительства; мирное урегулирование инцидента, на котором настояли в первую очередь представители Коминтерна, привело к тому, что в конце 1936 г. Чан Кайши издал приказ о прекращении гражданской войны [17, с. 333-336]. В феврале 1937 г. КПК, следуя рекомендациям Коминтерна, выразила готовность

пойти на некоторые уступки перед Нанкинским правительством, однако переговоры о реорганизации советов и Красной армии в первой половине 1937 г. не принесли существенных результатов [31]. Начало японской военной агрессии стимулировало активность КПК: сразу после пресловутой провокации на мосту Лугоуцяо ЦК партии выступил с телеграфным обращением ко всем соотечественникам, призывая ускорить создание общенационального фронта борьбы с захватчиками [17, с. 342-343]. Объединение КПК и Гоминьдана происходило на основе «трёх народных принципов» Сунь Ятсена [31], однако главным «яблоком раздора» внутри самой компартии явился вопрос о методе ведения боевых действий: Мао Цзэдун продвигал тактику независимых партизанских боёв, тогда как Чжоу Эньлай, Чжан Готао, Чжу Дэ и др. выступали за тесное сотрудничество с армией Центрального правительства [17, с. 473]. При этом центр тяжести «столкновения мнений» находился между Мао Цзэдуном и Чжан Готао [там же, с. 346].

За развитием событий на китайской территории внимательно следили в Коминтерне. Не могло не отразиться на деятельности международной коммунистической организации заключение советско-китайского договора о ненападении в конце августа 1937 г.: необходимо было соблюдать «баланс» государственных интересов СССР с принципами интернационализма. Хотя, в отличие от первого единого фронта, нынешняя кампания консолидации разнородных политических группировок в Китае имела ярко выраженную антияпонскую направленность, и потому предполагала возможность временного союза со всеми противниками Японии, включая США и Великобританию [34, с. 166], по данным советской разведки Чан Кайши считал СССР «единственным союзником Китая в войне с Японией» [Цит. по: усов с. 383]. Возможно, именно этим объясняется несколько противоречивый характер установок, выработанных в Москве: постановление Секретариата КИ от 10 октября 1937 г. ориентировало КПК на превращение последней в «могучий всекитайский политический фактор», а одной из «неотложных задач» провозглашалась зачистка партийных рядов от «скрытых троцкистов и чэньдусюистов» [21, с. 281-282]. Сталин, наставляя делегацию КПК в Коминтерне перед её отъездом в Китай, подчёркивал: «Как драться китайцам с внешним врагом – это решающий вопрос. Когда это закончится, тогда встанет вопрос, как драться между собой» [Цит. по: 17, с. 475]. Он также советовал на данном этапе исключить курс на социализм из декларируемой политической линии КПК.

По прибытии Ван Мина – отныне главного проводника и интерпретатора китайской политики Коминтерна – в Яньань в декабре 1937 г. прошло совещание Политбюро ЦК, главным итогом которого стало утверждение конкретной программы развития и укрепления единого фронта. Подверглась критике «левосектантская» позиция Мао Цзэдуна, ориентированная на отказ от активных боевых действий и имевшая целью ослабление Гоминьдана [18, с. 566]. Также нашёл разрешение вопрос о созыве очередного партийного съезда: он был назначен на

1938 г. [34, с. 171]. Отметим, что уже тогда в повестку дня был включён доклад об изменении партийного устава; предусматривалось и создание специальной подготовительной комиссии по его редактированию [6, т. 5, с. 371-375]. Вообще говоря, возвращение в Китай Ван Мина ослабило наметившуюся ранее тенденцию к возвышению Мао Цзэдуна в партийной иерархии, вынудив последнего на некоторое время отойти в тень [6, т. 5, с. 30; 17, с. 477]. Однако в более отдалённой перспективе будущий «Великий кормчий» вовсе не собирался мириться с этим обстоятельством.

Очередным витком конфликта внутри КПК стал разрыв с коммунистами Чжан Готао, подвергавшегося периодическим нападениям за «проведение антипартийной политической линии» уже на протяжении нескольких лет [17, с. 800]. Его заявление о выходе из партии получило настолько широкий общественный резонанс, что даже Президиум ИККИ в своей резолюции от 11 июня 1938 г. подтвердил *исключение* из КПК «бывшего члена ЦК партии Чжан Готао, изменившего делу коммунизма и делу единого антияпонского фронта», выразив уверенность в том, что «предательское поведение» последнего встретит «полное осуждение и презрение» [6, т. 5, с. 157]. В это же время Димитров в беседе с представителями КПК в Коминтерне высказывается о том, что в силу недостаточного практического опыта Ван Мин не должен претендовать на роль партийного лидера – необходимо поддерживать руководящее положение Мао Цзэдуна [там же, с. 33].

Как доказал в своих исследованиях А.В. Панцов, в Коминтерне к «строптивому хунаньцу» присматривались с конца 20-х гг. [38, с. 333]. Очередное повышение интереса к его фигуре могло быть связано, на наш взгляд, как с активной (хотя и не совсем однозначной в глазах ортодоксальных марксистов-ленинцев) деятельностью Мао Цзэдуна на «теоретическом фронте», так и с определённой «раскрученностью» его образа в западной прессе, отмеченной, в частности, в работе Т. Кэмпена [56, с. 126]. Так или иначе, вместо назначенного ранее общепартийного съезда, «срыв» которого А.В. Меликсетов называет «первым успехом» Мао Цзэдуна на пути к восстановлению и укреплению своего авторитета внутри партии, в октябре-ноябре 1938 г. был проведён VI расширенный пленум ЦК КПК [18, с. 566]. Помимо очередного утверждения линии единого фронта в сочетании с курсом на максимально возможное расширение партийных рядов, на пленуме решился вопрос о расформировании Чанцзянского бюро ЦК КПК, главой которого являлся Ван Мин, – вместо него учреждались Центральное и Южное бюро во главе с Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем соответственно [6, т. 5, с. 35].

Успехи в реализации установки на расширение социальной базы КПК не могли не вызвать тревоги в руководстве Гоминьдана, и уже к концу 1938 г. в отношениях между партиями наметился серьёзный кризис. Участились вооружённые столкновения между частями «союзных» войск; в 1939 г. деятельность

организаций КПК на территории районов, подконтрольных Национальному правительству, была запрещена, подпольные ячейки подвергались разгрому [6, т. 5, с. 38]. Нарастала угроза полного разрыва единого фронта. Стоит отметить, что обострению ситуации в определённой степени способствовали публикации в прессе – как западной, так и китайской. «Шуму в печати об этих успехах [КПК] больше, чем самих успехов», – сообщал в служебной записке на имя Димитрова Г.И. Мордвинов – глава специальной бригады, сформированной Секретариатом ИККИ для решения «китайских вопросов» [там же, с. 302-303]. Что касается западных журналистов, излишне откровенные беседы представителей КПК (и, в частности, Мао Цзэдуна) с некоторыми из них вызывали в Коминтерне сильную тревогу: в телеграмме ЦК КПК Димитрову пришлось «настоятельно просить» Мао и других членов КПК «воздержаться давать интервью иностранным корреспондентам» [21, с. 285].

В докладе Чжоу Энляя Президиуму ИККИ в январе 1940 г. помимо подробного отчёта о внутривнутриполитической обстановке были затронуты задачи очередного партийного съезда, к числу которых относился и пересмотр устава. «Система парторганизаций за последние два года подверглась ряду изменений, и до сих пор не имеется полной единой формы», – отмечал докладчик. Предполагалось, что необходимые правки всё-таки будут внесены в устав на VII съезде КПК, который так и не созывался с 1928 г. [6, т. 5, с. 352]. Заметим, что ко времени действительного проведения съезда необходимость корректировки организационной структуры будет составлять лишь одну – и, судя по всему, менее значительную в глазах «редакторов» – сторону вопроса. Причиной тому – окончательная кристаллизация взглядов будущего единоличного лидера КПК в период антияпонской войны. Изначально завуалированная идея противопоставления собственно марксизма и его «китаизированной версии» со всей отчётливостью обрела звучание на уже упомянутом VI пленуме ЦК КПК [34, с. 185]. В пространном докладе Мао Цзэдуна «Место КПК в национальной войне» говорилось о необходимости «обобщить всё наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена – и принять это ценное наследие», а также «покончить с заморскими шаблонами, <...> сдать в архив догматизм» [29, т. 2, с. 266]. Основные положения «обновлённой» теории были впоследствии развиты в работе Мао «О новой демократии»: китайская революция разделялась на два исторических этапа, первый из которых представлял собой «новодемократическую революцию». При этом второй этап – социалистический – откладывался на неопределённый срок [41].

Коминтерн ещё неоднократно предпринимал попытки повторной индоктринации «раскольников»: в «Постановлении Президиума ИККИ о постановке печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма в КП Китая» от 3 марта 1940 г. говорится, например, о необходимости развернуть кампании по распространению и изучению «Вопросов ленинизма» И.В. Сталина и «Краткого курса

истории ВКП(б)» [21, с. 290]. Однако именно «Краткий курс...» в итоге послужил образцом для пересмотра (и «редактирования») истории КПК, за которым последовали масштабные мероприятия по «упорядочению стиля» (чжэнфэн). «Просветительская кампания по адаптации марксизма-ленинизма» [25], или, проще говоря, партийная чистка, была направлена в основном против Ван Мина и его сторонников – членов так называемой «московской группы», в результате чжэнфэна утратившей всякое влияние. В меньшей степени пострадали позиции Чжоу Эньлая [17, с. 483-484].

По мере нарастания противоречий между КПК и Гоминьданом Коминтерн продолжал последовательно выступать против разрыва единого фронта. Димитров в письмах и телеграммах Мао Цзэдуна настаивал на том, что партия должна делать «всё от неё зависящее» во избежание «развёртывания междоусобной войны» [21, с. 291-292]. Но Мао и его окружение считали Чан Кайши – и не безосновательно – своим самым опасным противником. Как пишет В.Н. Усов, на встречах с советскими представителями Чжоу Эньлай «мрачнел при одном упоминании имени» главы Национального правительства [49, с. 186-187].

В связи с этим совершенно неудивительным представляется тот факт, что известие о самороспуске Коминтерна в мае 1943 г. не просто не встретило сожаления со стороны руководства КПК, но вызвало, скорее, обратную реакцию: «Мао и его сторонники облегчённо вздохнули», «руки развязаны», «вот теперь можно и провести партийный съезд» – в таких выражениях Димитрову сообщили о настроениях, возобладавших в китайской компартии. И в Москве, и в Яньани прекрасно понимали, что прекращение деятельности международной организации «накладывает большую ответственность» на КПК в её взаимоотношениях с Гоминьданом. «Первой ласточкой» изменения вектора КПК в этой области стал следующий инцидент: принятое по инициативе Коминтерна решение о запрете вооружённых выступлений против Гоминьдана было задержано после получения телеграммы о роспуске КИ, соответствующие указания на места не отправлялись [6, т. 5, с. 676-677].

В уже упоминавшейся в п. 1.1 телеграмме Мао Цзэдуна от 22 декабря 1943 г. Димитров «в частном, дружеском порядке» критически высказывался, во-первых, об отклонении от политики единого фронта, во-вторых, о «кампании против Чжоу Эньлая и Ван Мина». Теперь уже бывший глава Коминтерна пытался убедить руководителя КПК в том, что «сокровенное желание гоминьдановцев – это разложить компартию изнутри» [21, с. 296]. Но его предостережения стремительно теряли актуальность: на следующем партийном съезде почти все – за исключением Ван Мина – 754 делегата, представлявшие 1 млн 210 тыс членов партии, всецело поддержали линию Мао Цзэдуна [17, с. 487].

3.2. Основные изменения в партийном уставе

VII съезд КПК начал работу 23 апреля 1945 г. в Яньани. В своей речи на открытии съезда лидер партии вновь очертил перспективы построения «новодемократического государства» после скорой победы над японскими захватчиками, которая рассматривалась едва ли не как свершившийся факт [63]. Всего же VII съезду предстояло заслушать три доклада: «О коалиционном правительстве» Мао Цзэдуна, «О положении на фронтах освобождённых районов» Чжу Дэ, а также «Доклад об изменениях в партийном уставе» Лю Шаоци.

Подготовка проекта нового устава была поручена Лю Шаоци ещё в феврале 1944 года [62, с. 55]. К тому моменту Лю фактически стал вторым человеком в партии и главным проводником идей Мао Цзэдуна [17, с. 485], потому его назначение на роль «главного редактора» не только не случайно, но и подтверждает важность обновления «основного закона» партии в глазах её руководителя. По воспоминаниям П.П. Владимирова, проект нового устава был «тщательно засекречен», что, тем не менее, «никак не связано с боязнью разглашения экономических и военных тайн» [9].

Доклад, подготовленный Лю Шаоци, оказался настолько объёмным, что ознакомление с ним затянулось на два съездовских дня. Его структура в общих чертах коррелировала с содержанием устава и включала в себя девять частей: «Введение», «Об общих принципах (общей программе) устава партии», «О членах партии», «Об обязанностях и правах членов партии», «О демократическом централизме внутри партии», «О кадровых вопросах», «О базовых организациях партии», «О поощрениях и взысканиях», «Строгость и гибкость партии».

В первой части доклада были выделены причины, призванные разъяснить необходимость внесения поправок в партийный устав:

1) за 17 лет, прошедших со времени VI съезда, значительно изменились условия внутри и вне партии, возникли новые политические задачи, которые требуют приведения в боевую готовность всех её членов;

2) богатейший опыт, приобретённый партией в процессе руководства революционной борьбой за последние 17 лет, должен быть использован для «наполнения» устава и укрепления партийного строительства;

3) предыдущий устав был принят «в особых обстоятельствах», многие его положения оказались неприменимы [к реальным условиям партийной деятельности], из-за чего члены партии относились к документу без должного внимания.

Также были обозначены «архиважные особенности» партии на текущем этапе развития: во-первых, КПК стала действительно массовой, всенародной партией (к моменту VII съезда численность членов партии составляла 1,2 млн); во-вторых, она овладела искусством революционной войны; в-третьих, сумела

создать мощную революционную базу в тылу; в-четвёртых, стала идейно, политически и организационно единой. И, наконец, в-пятых – и это обстоятельство является «чрезвычайно важным» – партия обрела собственного «великого вождя» в лице товарища Мао Цзэдуна. Далее докладчик не скупился на эпитеты, называя последнего «выдающимся представителем нашего героического пролетариата», который «поднял национальную мысль на небывалую высоту» [68, т. 9, с. 527-568].

Устав в редакции 1945 г. состоит из 70 статей, объединённых в 11 разделов. По сравнению с уставом 1928 г. структура претерпела значительные изменения – в ней можно выделить две основные части: «общая программа» («общие принципы» или «преамбула») и собственно уставные положения. Добавим, что именно такая структура характерна для современного устава КПК. Ли Чжунцзе, анализируя данное новшество, вновь прибегает к сравнению с уставом ВКП(б): в нём преамбула впервые фигурирует в редакции 1934 года, однако по своему содержанию является достаточно лаконичной, тогда как аналогичный раздел устава КПК 1945 г. включает в себя 1767 иероглифов (что составляет около 1/5 всего текста) и разделён на 11 абзацев [62, с. 59] – даже формальные характеристики намекают на его исключительное значение для «редакторов».

Как уже было отмечено выше, в 1921 году I съезд КПК утвердил «Программу», большую часть которой составляли уставные положения, что позволило нам говорить о своеобразном «уставе внутри программы». Спустя 24 года первый раздел устава – «Общая программа» – явился самой настоящей «программой внутри устава». В нём, в сущности, излагались основные постулаты теоретических разработок Мао и, в то же время, закреплялась «руководящая роль» последних: «Коммунистическая партия Китая принимает идеи, соединяющие марксизм-ленинизм с практикой китайской революции, – идеи Мао Цзэдуна – в качестве руководства во всей своей работе» [68, т. 9, с. 569].

По сравнению с редакцией устава 1928 г. раздел «Члены партии» вырос более чем в два раза и включал в себя 13 статей. Первая из них, по понятным причинам, несколько сократилась: для вступления в партию отныне не нужно признавать Коммунистический Интернационал и подчиняться его резолюциям, достаточно «признавать программу и устав партии, входить в состав одной из партийных организаций и работать в ней (можно заметить, что исчезло даже требование «активно работать»), подчиняться решениям партии и уплачивать членские взносы».

Тогда как в уставе 1928 г. (в разделе «Партийная дисциплина») содержалось лишь положение о том, что важнейшей обязанностью всех членов партии является строгое соблюдение партийной дисциплины, в новой редакции количество обязанностей (по крайней мере формальных) расширяется – им посвящена вся вторая статья. В соответствии с ней от членов партии требуется следующее:

усердно повышать свою сознательность, уровень понимания основ марксизма-ленинизма и *идей Мао Цзэдуна*; строго соблюдать партийную дисциплину, активно участвовать в политической жизни партии и революционном движении внутри страны, проводить в жизнь политику партии и решения партийных организаций, *бороться со всеми явлениями внутри и вне партии, которые наносят ущерб её интересам* (все положения, кроме выделенных курсивом, присутствуют в уставе ВКП(б) в редакции 1939 г. [60, с. 677-678]); служить народу, укреплять связи партии с народными массами, осознавать нужды народных масс и своевременно откликаться на их запросы, а также разъяснять народным массам партийный курс; быть образцом соблюдения дисциплины революционного правительства и революционных организаций, глубоко изучать своё дело и служить примером в различных революционных мероприятиях.

В той же статье провозглашаются и права членов партии: право участвовать в свободном и деловом обсуждении практических вопросов партийной политики на партийных собраниях или в партийной печати; право избирать и быть избранным в партийные органы; право обращаться с предложениями и заявлениями в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК; право критиковать любого партийного работника на партийном собрании. Лю Шаоци обратил особое внимание в своём докладе на то, что последнее право противоречит сформировавшейся на местах «привычке не критиковать ответственных работников на партсобраниях», и введение такого положения в текст устава призвано было искоренить связанные с этим злоупотребления. Можно заметить, что соблюдается номинальный паритет: у ставе содержалось по четыре пункта обязанностей и прав (несколько выходя за хронологические рамки исследования, добавим, что следующая редакция устава – 1956 г. – содержит перечни из десяти и семи пунктов соответственно; уставом Коммунистической партии Индокитая 1935 г. и вовсе предусмотрены только обязанности [51]).

Четвёртая статья устанавливала возрастной ценз: членами партии отныне могут стать лишь лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста (в предыдущей редакции устава, в отличие от 1927 г., данное положение отсутствовало). В своём докладе Лю Шаоци мотивировал возвращение возрастного ценза следующим образом: «до восемнадцати лет человек, как правило, не имеет достаточно устойчивых политических взглядов». В докладе также уточнялось, что не достигшие восемнадцатилетнего возраста члены партии, принятые в её ряды до вступления в силу нового устава, остаются её полноправными членами. Говорилось и о возможности зачисления «рано сформировавшихся в политическом отношении молодых людей» в число кандидатов, однако в самом тексте устава подобные пояснения отсутствуют.

По сравнению с уставом 1928 г. количество категорий по приёму в партию осталось неизменным, но их «наполнение» было пересмотрено. Так, к первой категории, на которую распространялись самые «простые» условия приёма и наиболее короткий срок кандидатского стажа, вместо 工厂工人 – ‘заводских рабочих’ теперь относились рабочие, кули, батраки, крестьянская беднота, городская беднота, состав революционной армии. Вторая категория включала крестьян-середняков, должностных лиц, интеллигенцию и самозанятых. В третью категорию попадали все остальные лица, за исключением выходцев из других политических партий. Обращает на себя внимание следующее уточнение, содержащееся в докладе Лю Шаоци, но упущенное в тексте устава: любой, кто был принят в партию, но позже покинул её и просит о повторном вступлении в партийные ряды, должен пройти через процедуры, предусмотренные для четвертой категории (с тем лишь отличием, что срок кандидатского стажа может быть сокращён по усмотрению вышестоящих органов). В целом, в этой обновлённой классификации отразились, с одной стороны, объективные особенности классовой структуры китайского общества, с другой – преломление этих особенностей под углом установок руководства КПК. Ещё в марте 1926 года в статье Мао Цзэдуна «О классах китайского общества» вопрос «кто наши враги и кто наши друзья?» был охарактеризован как «имеющий в революции первостепенное значение» [29, т. 1, с. 9]. Ответ, который давал на него будущий вождь КПК, уже тогда отличался от ориентации Коминтерна, выраженной, в частности, в уставе 1928 г.; стоит ли говорить, что с течением времени эти расхождения только увеличились.

Напомним, что из устава 1928 г. было полностью исключено само понятие кандидатского стажа. Вопрос о необходимости восстановления прерванной практики поднимался ещё в «коминтерновскую эпоху»: в записке П.А. Мифа о кадрах КПК от 4 марта 1936 г. сообщается, что, по причине угрозы проникновения в партию «чуждых элементов», имеет смысл «поставить перед руководством Коминтерна вопрос о целесообразности установления для вновь вступающих в члены партии определённого сочувствующего или кандидатского стажа <...>» [6, т. 4, с. 987]. Статья седьмая данной редакции устава гласит: роль кандидатского стажа заключается в том, чтобы дать кандидату возможность получить предварительное партийное образование и в процессе работы обеспечить проверку его политических качеств со стороны партийной организации. Статьей восьмой предусмотрена возможность сокращения или увеличения кандидатского стажа на усмотрение парткомов, а также его «аннулирование» в случае несоответствия кандидата критериям приёма к моменту окончания этого «периода ожидания». Как видим, возвращение института «кандидатов» было призвано сократить разрыв между темпами количественного и качественного роста партии. В девятой статье впервые оговорено, что 党龄 – ‘партийный стаж’ – исчисляется

с того момента, как кандидат переходит в категорию полноправных членов партии. Отметим, что в условиях стремительного расширения партийных рядов возростала роль кадрового костяка (ганьбу), при этом предпочтение на руководящих должностях отдавалось работникам с более длительным стажем: секретарём парткома провинции или освобождённого района можно было стать только при наличии пятилетнего партстажа; секретарём местного, уездного, городского партийного комитета – при наличии трёх летнего стажа; секретарём райкома – при наличии партстажа сроком в один год.

Определённый интерес представляет статья 12: все члены партии и кандидаты в члены партии, которые без уважительных причин не участвуют в партийной жизни, не выполняют порученную партией работу, не уплачивают партийные взносы в течение шести месяцев, считаются выбывшими из партии. Таким образом, вышеупомянутое исчезновение требования об «активной работе» было spolна компенсировано. Примечательно и то, что название раздела «Партийная дисциплина» уступило место «Поощрениям и взысканиям». Изменилось, соответственно, и его содержание: помимо различных видов наказаний теперь предусмотрены и стимулы для особо инициативных и исполнительных членов партии; однако, согласно статье 68, как карьеризм, так и «злоупотребление наказаниями» решительно осуждаются.

Раздела «Подпольные организации», состоящего из двух статей, не содержалось ни в одной из предыдущих (и, разумеется, последующих) редакций устава. Такие организации необходимы были прежде всего в «белых» районах, т.е. контролировавшихся Гоминьданом или «японскими марионетками» (именно в одном из таких районов ранее работал Лю Шаоци). Главными особенностями подпольных организаций объявлялись возможность деятельности «сообразно с обстоятельствами», т.е. в обход решений центрального руководства, а также «более тщательное» рассмотрение кандидатов при приёме в партию.

И, наконец, уставом была официально установлена должность Председателя ЦК, де-факто существовавшая и в предыдущие годы. На первом пленуме ЦК, состоявшемся после съезда, на эту должность был избран Мао Цзэдун.

Таким образом, при сохранении общей организационной структуры партии её «наполнение» претерпело значительные изменения: на новом историческом витке развития КПК ставка была сделана на повторное *идейное* объединение, которому, как и в 1921 году, предшествовало активное «размежевание». Подобное соотношение идеологического и организационного аспектов всё ещё отвечало целям революции – с той лишь оговоркой, что, по сравнению с первым партийным съездом, цели эти значительно «китаизировались».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернём Россию!» – слова вождя мирового пролетариата едва ли когда-то расходились с делом. Но сейчас не о личностных качествах Ленина, а о том, что в его фразе является ключевым: как ни странно, в фокусе нашего внимания должны оказаться не «революционеры», не «переворот» и даже не «Россия».

Объединение людей на основе каких бы то ни было идеологических принципов – безусловно, важный, но отнюдь не определяющий компонент последующего революционного успеха. Исторический опыт показывает, что такое объединение обязательно должно сопровождаться *материальным единством организации*, в обеспечении и поддержании которого главную роль играет объект настоящего исследования – партийный устав.

С одной стороны, изменения, происходящие в ходе эволюции последнего, продиктованы «бытием», динамикой процессов окружающей действительности. С другой – сами изменения, или поправки, основанные на обобщении предыдущего опыта, задают вектор дальнейшего развития ситуации. В результате выполненного исследования обозначились несколько этапов эволюции устава КПК в рассматриваемый период, на каждом из которых он служил выполнению различных исторических задач:

1) 1922-1925 гг.: на этом этапе *закладывалась организационная основа* партии, способствующая, во-первых, разрыву с практикой «кружковщины», во-вторых – сохранению самостоятельности КПК во вновь образованном едином фронте. Более заметную роль в эволюции устава сыграли такие факторы, как ориентация на сотрудничество с Гоминьданом и, в силу немногочисленности состава КПК, личностные характеристики её членов. Изменения, коснувшиеся устава, были точечными, а установки Коминтерна преломлялись под влиянием объективной ситуации в Китае и находили отражение в уставе уже с учётом необходимой поправки на «китайскую специфику»;

2) 1927-1928 гг.: становление компартии как весомого фактора на политической арене Китая сопровождалось возрастающим вниманием к «китайскому вопросу» со стороны международных структур, что выразилось в уставе 1927 г., переработанном «по образу и подобию» устава ВКП(б); в уставе 1928 г., наряду с формальным «закрепощением» и усилением контроля со стороны Коминтерна, явно наметился встречный процесс повышения самостоятельности партийных органов в некоторых вопросах, однако рамки подобной «самостоятельности» оставались критически узкими. Тем не менее, неоспоримая ценность уставов

1927 и 1928 гг. заключается в закреплении перехода КПК на новую ступень развития, которая проявилась, в первую очередь, в *количественных* характеристиках;

3) устав 1945 г. зафиксировал значительные *качественные* изменения, произошедшие между VI и VII съездами КПК, а также конкретизировал будущий курс партии во главе с её единоличным лидером. Наибольшее влияние на обновлённое содержание устава оказала, во-первых, внутривластная обстановка в стране, во-вторых – ориентация руководства КПК (по сути, тот же личностный фактор, что и на начальном этапе, но, в силу тысячекратного увеличения числа членов партии, взятый лишь в отношении партийной верхушки); тем не менее, последствия продолжительного внешнего воздействия не могли исчезнуть без остатка за столь короткий промежуток времени, и организационная основа партии «нового типа», которой отныне провозглашалась КПК, во многом была заимствована из «коминтерновского» периода.

Документ 1945 г. стал последним в ряду редакций устава, принятых до образования Китайской Народной Республики – в 1949 г. КПК приобрела статус правящей партии, открыв новую страницу своей истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/> – Дата доступа: 17.03.2022
2. Богословский, В.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949) / В.А. Богословский, А.А. Москалев. – М.: Наука, 1984. – 263 с.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/> – Дата доступа: 07.04.2022
4. Браун, О. Китайские записки (1932–1939) / Пер. с нем. В.А. Жаворонкова, А.А. Звонова, Ю. Медведевой. – М. : Политиздат, 1974. – 307 с. с ил.
5. Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна / Ван Мин. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1979. – 302 с., ил.
6. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы в 5 т. / Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Ин-т Дальнего Востока РАН, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина, ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лёйтнер и др. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994-2007. – 5 т.
7. ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918-1941 гг. / Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд японских историков, отв. ред. профессор Харуки Вада, доктор ист. наук Кирилл Шириня. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 816 с.
8. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд японских историков, отв. ред. Грант Адибеков, Харуки Вада. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 808 с., ил.
9. Владимиров, П.П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. / П.П. Владимиров. – М. : Издательство Агентства печати Новости, 1973. – 656 с.
10. Войтиков, С.С. «Святая святых»: из истории становления и эволюции Устава (Манифеста, организационного Устава) РСДП/РСДРП - РСДРП(б) - РКП(б) - ВКП(б) (1898 – 1920-е годы) / С.С. Войтиков // НИР. 2017. №3 (20). С. 63–80.
11. Делюсин, Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921-1928) / Л.П. Делюсин. – М. : Наука, 1972. – 464 с.
12. Документы и материалы II съезда РСДРП. 17 июля – 10 августа (30 июля – 23 августа) 1903 г. Организационный устав Российской социал-демократической рабочей партии // Второй съезд РСДРП. Протоколы. – М., 1959. С. 425-427.
13. Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920-1927 / ред.-сост. И.Н. Сотникова, А.Л. Верченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИДВ РАН, 2021. – 656 с.

14. Е Фань. Роль СССР в подготовке военно-политических кадров для Китая в 1920-30-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е Фань ; МГУ им. Ломоносова. – Москва, 2017. – 23 с.
15. Исторические события в жизни Китая и современность. Выпуск У1. К 100-летию Коммунистической партии Китая: сборник статей / сост., отв. ред. Н.Л. Мамаева. – М. : ИДВ РАН, 2021. – 296 с.
16. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). – М. : ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. – 352 с.
17. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 тт. Т. 7. Китайская Республика (1912-1949) / Отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Наука – Восточная литература, 2013. – 863 с.
18. История Китая; Учебник / Под редакцией А.В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 736 с.
19. Картунова, А.И. Разработка компартией Китая концепции революции / А.И. Картунова // I Всероссийская конференция «Проблемы новейшей истории Китая» (Москва, 22-23 мая 2010 г.) : информационные материалы. – М. : ИДВ РАН, 2011. – Вып. 1. – 224 с.
20. Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919-1932 / Под ред. Бела Куна. – М. : Партийное изд-во, 1933. – 1016 с.
21. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы / Ин-т Дальнего Востока АН СССР; Отв. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1986. – 322 с.
22. Ленин, В.И. Об Уставе РСДРП / В.И. Ленин. – 2-е изд., доп. – М. : Изд-во политической лит., 1989. – 176 с.
23. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М. : Госполитиздат, 1967-1975. – Т. 8. – 1967. – 666 с. ; Т. 21. – 1968. – 671 с. ; Т. 31. – 1969. – 671 с.
24. Ли Дачжао. Избранные произведения: Пер. с кит. / Ли Дачжао; [Сост. и авт. предисл., с. 3-29, Н. Г. Сенин; Отв. ред. Н. Г. Сенин, М. Л. Титаренко]; АН СССР, Ин-т философии, Ин-т Дальнего Востока. – М. : Наука, 1989. – 487 с.
25. Ли Хунся, Тун Хуа, Лю Гуан. Значение Октябрьской революции 1917 года для Китая / Ли Хунся, Тун Хуа, Лю Гуан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 455-463.
26. Мамаева, Н.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923-1927) / Н.Л. Мамаева. – М. : Наука, 1991. – 210 с.
27. Мамаева, Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919-1929 / Н.Л. Мамаева; Рос. акад. наук. Ин-т Дал. Востока. – М. : РОССПЭН, 1999. – 375 с.

28. Мамаева, Н.Л. Коминтерн и революционный процесс в Китае 1920-х гг. / Н.Л. Мамаева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 4 (50), 2019, с. 5-16.

29. Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 5-ти томах; пер. с кит. / Мао Цзэдун. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1964-1969. – Т.1. – 1967. – 450 с.; Т. 2. – 1969. – 609 с.; Т. 4. – 1964. – 569 с.

30. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат. – Т. 4: [Май 1846 – март 1848 г.; подгот. к печати Л. И. Гольманом]. – 1955. – XIV, 615 с.

31. Мельникова, Н.И. Коминтерн и проблемы взаимоотношений КПК и ГМД в создании единого национального фронта в Китае в 1937-1938 гг. / Н.И. Мельникова // I Всероссийская конференция «Проблемы новейшей истории Китая» (Москва, 22-23 мая 2010 г.) : информационные материалы. Вып. 1. М. : ИДВ РАН, 2011. – 224 с.

32. Национальные и социальные движения на Востоке: История и современность / Отв. ред. Р.А. Ульяновский. – М. : Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1986. – 380 с.

33. Новакова, О.В. Об истории зарождения коммунистического движения во Вьетнаме / О.В. Новакова // Вьетнамские исследования. 2018. №1.

34. Новейшая история Китая. 1917-1970 гг. / Отв. ред. М.И. Сладковский. – М. : Институт Дальнего Востока АН СССР, 1972. – 442 с.

35. Отечественная историография КНР: некоторые направления / под ред. Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М. : Наука – Вост. лит., 2015. – 263 с.

36. Очерки истории Китая в новейшее время / Отв. ред. А. С. Перевертайло. – М. : Издательство восточной литературы, 1959. – 696 с.

37. Панцов А.В., Аринчева Д.А. Жизни и судьбы первых китайских коммунистов. Сборник статей и материалов к 100-летию Компартии Китая / А.В. Панцов, Д.А. Аринчева. – М. : ИДВ РАН, 2021. – 288 с.

38. Панцов, А.В. Мао Цзэдун / А.В. Панцов. – 2-е изд., испр. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 867 с.

39. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений: большевики и китайская революция (1919-1927) / А.В. Панцов. – М.: Муравей-Гайд. – 2001. – 456 с.

40. Решение по некоторым вопросам истории КПК / Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1981. – 134 с.

41. Смирнов, Д.А. «Три народных принципа» Сунь Ятсена как идейный источник теории «новой демократии» Мао Цзэдуна/ Д.А. Смирнов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. №3. С. 44-54.

42. Советско-китайские отношения. 1917-1957: Сборник документов / Отв. ред. И.Ф. Курдюков [и др.]; [Акад. наук СССР. Ин-т китаеведения]. – М. : Изд-во вост. лит., 1959. – 467 с.
43. Сотникова, И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919-1943 гг. / И.Н. Сотникова. – М. : Наука; Вост. лит., 2015. – 407 с.
44. Ставров, И.В. Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921-2021 гг.) / И.В. Ставров // Россия и АТР. 2021. №2.
45. Сталин, И.В. Сочинения: в 13 т. / И.В. Сталин. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949-1951. – Т. 9 : декабрь 1926-июль 1927. – 1948. – 383 с.
46. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции: на примере Китая / сост. Г. Кара-Мурза. – М. : Институт МХ и МП, 1934. – 404 с.
47. Сунь Ятсен: 1866-1986: к 120-летию со дня рождения: сб. ст., воспоминаний, документов и материалов / под ред. С.Л. Тихвинского. – М. : Наука, 1987. – 319 с.
48. Троцкий, Л.Д. Сталин и китайская революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm282.htm> – Дата доступа: 12.04.2022
49. Усов, В.Н. Советская разведка в Китае : 30-е годы XX века / В.Н. Усов. – М. : Товарищество научных изданий КМК. 2007. – 454 с.
50. Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/vkpb1926.htm> – Дата доступа: 25.01.2022
51. Устав Коммунистической партии Индокитая // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2018, №1
52. Устав Корейской коммунистической партии. Принят Учредительным съездом Корейской компартии. 12 мая 1921 г. // Народы Дальнего Востока. 1921, №2, с. 230-234
53. Устав Российской коммунистической партии (большевиков): (Принят на Всероссийской партийной конференции 2-3 декабря 1919 г.). – [Екатеринбург: издание Екатеринбургского губернского агентства "Центропечати", 1920]. – 15 с.
54. Чжао Цзяньбо. Политика Коминтерна в Китае в 1927-1928 гг. и формирование «левого уклона» в КПК : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Чжао Цзяньбо ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2005. – 18 с.
55. Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция : Воспоминания / Пер. с англ. Л.И. Головачевой и В.Ц. Головачева. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009. – 320 с.

56. Kampen, T. Mao Zedong, Zhou Enlai and the Evolution of the Chinese Communist Leadership / T. Kampen. – Nordic Institute of Asian Studies, 2002. – 164 p.
57. Saich, T. The Chinese Communist Party during the era of the Comintern (1919-1943) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iwp.edu/wp-content/uploads/2019/05/20150914_TonySaichTheCCPduringtheEraoftheComintern.pdf – Дата доступа: 15.03.2022
58. Sullivan, L.R. Historical Dictionary of the Chinese Communist Party / L.R. Sullivan. – The Scarecrow Press, Inc., 2012. – 361 p.
59. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны : сборник документов / [отв. ред., К.К. Шириня]. – М.: Политиздат, 1975. – 527 с.
60. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. – М.: Огиз: Госполитиздат, 1939. – 737 с.
61. 李大钊. 俄国大革命之影响 – Режим доступа: <https://www.marxists.org/chinese/lidazhao/marxist.org-chinese-lee-19170329.htm> – Дата доступа: 21.02.2022
62. 李忠杰. 党章内外的故事 / 北京: 中共党史出版社, 2017. – 433 页
63. 毛泽东. 两个中国之命运 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-19450423.htm> – Дата доступа: 11.05.2022
64. “七大” 党章修订中, 哪两个字让刘少奇“动摇” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dangshi.people.com.cn/n/2012/1127/c138896-19714201.html> – Дата доступа: 16.04.2022
65. 新青年.8 / 陈独秀, 李大钊, 瞿秋白主编. – 北京: 中国书店, 2011. – 676 页
66. “外籍党员”: 中共党史上的一个特殊群体 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.12371.cn/2014/12/02/ARTI1417492714151522.shtml> – Дата доступа: 06.05.2022
67. 张国焘. 我的回忆. 第一册/ 东方出版社, 1980. – 386 页
68. 中共党史参考资料. 第二册, 第三册, 第四册, 第九册/ 中国人民解放军政治学院党史教研室, 1979.
69. 中文马克思主义文库: 陈独秀 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/chinese/chenduxiu/index.htm> – Дата доступа: 30.03.2022
70. 中国共产党章程 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/中国共产党章程/383972> – Дата доступа: 09.03.2022
71. 周恩来. 共产国际和中国共产党 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/chinese/zhouenlai/131.htm> – Дата доступа: 05.03.2022